

Романова Галина

Рудничный бог

12+

В. Романова

Галина Львовна Романова

Рудничный бог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35248856

SelfPub; 2018

Аннотация

Жизнь Анастасии Варской круто изменилась. Любимый муж Алексей арестован и отправлен на каторгу. Не желая расставаться с любимым человеком, Анастасия отправляется вслед за ним за далекий Каменный Пояс, туда, где миром правят иные законы, где власть принадлежит колдунам и ведьмам, которые поклоняются таинственному Рудничному богу, принося ему человеческие жертвы. И кто знает, кто будет следующим? И удастся ли Анастасии найти мужа там, во владениях Рудничного бога? Для обложки использована картина В. Васнецова "Снегурочка"

Содержание

РУДНИЧНЫЙ БОГ	5
Пролог.	5
Глава 1.	15
Глава 2.	53
Глава 3.	88
Глава 4.	123
Глава 5.	160
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Галина Романова

РУДНИЧНЫЙ БОГ

Пролог.

Глухой удар пришел из-под земли, начавшись тихим гулом, а потом резко оборвался коротким хлопком, от которого, казалось, содрогнулся весь мир. Со старых лип взлетели и закружились с оголтелым криком вороны. Взвыл дворовый пес. В конюшне забеспокоились лошади. Земля под ногами дрогнула, словно подавила рвотный позыв. Звякнула на полках посуда. Опрокинулся на пол стоявший на краю стола ковш с молоком, но голодная кошка в кои-то веки раз не кинулась подбирать языком белую сладкую жидкость, а рванула к окошку с диким мявом.

Стряпуха, у которой едва не сорвался горшок со щами, выпустила хват и испуганно перекрестилась:

– Чур, нас! Чур! Никак, опять?

Чуть перестали дребезжать слюдяные окошки, прошла волна, качнувшая мир, утихла дрожь земли, и утомонились перепуганные животные, на втором этаже над головой стряпухи затопали шаги. Женщина высунула нос из щели и сразу наткнулась на хозяина, который тяжелым быстрым шагом сходил вниз по крутой лесенке. Замеченная им, баба про-

бормотала, теряясь и отводя глаза:

– Чего это деется, Сысой Псоич?

Ее обожгли светлые, чуть навывкате, глаза:

– Не твоево ума дело.

– Так ведь боязно! – пролепетала стряпуха.

– Не впервой, – отрезал хозяин, проходя в сени. – Коня вели подать! – кивнул он мальцу, сидевшему на лавке в обнимку с кадушкой.

Мальчишка сорвался с места.

Накинув полушубок – зима в этом году отступала медленно, уже Масляная неделя шла, а сугробы еще до крыш доставали, – Сысой Псоич вышел на крыльцо. Усадебка его была небольшая, но крепко сколоченная – добротный двухэтажный дом, клетки, конюшни, хлевы, амбары. Все это – за надежным забором и рвом, в котором летом среди травы плескалась вода. Чуть в стороне за такой же оградой стоял небольшой заводик – плотина, доменка, пара кузниц, клетки, две длинные избы без окошек – для работного люда – и казарма, к которой примыкала приказчицкая изба. А чуть в стороне – еще одна изба, за оградой – для особых работников.

Конюх подвел ему коренастого вороного конька. Хозяин вскочил в седло. Холопы еле успели отворить воротину – конек сорвался с места зверем.

Невейский заводик, как и сам городок Невейск, был невелик. Куда ему до богатых Долматовских заводов, которые,

словно грибы старый пенёк, облепили берега полноводной реки Чавычи с притоками! Не льют в Невейске железной руды, не добывают меди или олова, но несут здесь охрану вооруженные люди, ибо в Невейских шахтах добывают не простую руду.

Вороной конек быстро донес хозяина до рудника. С первого взгляда Сысой Псоич понял, что дело худо. Стояла лебедка, не бегали рабочие с тачками. Из караулки высыпали солдаты. Под ноги хозяину кинулся приказчик, сорвал с головы шапку:

– Хозяин, кажись, опять!

– Сам знаю, – Сысой Псоич спешился, не глядя, кинул повод коня в чьи-то руки.

– Господи, оборони и помилуй! – приказчик быстро перекрестился.

– Пойди вон, – расспрашивать, что произошло, не было нужды. Он не первый раз переживал такое, и, если и досадовал, то привычно. «Никак, Рудничный пробудился? Чего еще стряслось? Чем не потрафили? Иль знак какой подает?»

– Добудь огня! – приказал он стоявшему у шахты охраннику. – Полезу, поглядеть.

Тот кинулся исполнять приказание. Взяв с собой двоих человек – не для охраны, а скорее для большей важности – Сысой Псоич решительно полез вниз. Не боясь запачкать яловые сапоги с подковками, и крепкие широкие ладони, цеплялся за железные скобы, вбитые в камень. Первым лез

охранник с фонарем. Он действовал осторожно, медленно, то и дело останавливаясь, чтобы перехватить ношу поудобнее, и тем злил Сыся Псоича. Но хозяин терпел, стискивая зубы, и следил лишь за тем, чтобы не наступить ему на руки. Надо было спешить – в колодце гулко, раскатистым эхом, отзывался доносящийся снизу шум. Звон железа, окрики, топот ног, звуки хлестких ударов кнута.

В шахте было темно, сыро, душно. Пахло сыростью, камнем, угольной пылью. Чем ниже спускались, тем гуще становился запах. К нему примешивалась застарелая вонь человеческой грязи и сладковатый душок подземного газа. В воздухе было столько мелкой пыли, что казалось, она и составляет сам воздух. Охранник, державший фонарь, всей грудью вдохнул эту смесь и покачулся. Даже при свете фонаря было заметно, как побледнело его лицо, и Сысой Псоич усмехнулся – это тебе, брат, не на плацу день-деньской маршировать! Сам он не чувствовал вони, не обращая внимания ни на мрак, ни на нависающие над головой каменные своды, ни на хлюпающую под ногами грязь, ни на капающую с потолка воду.

У подножия шахты столпились полуголые, оборванные люди. Многие были в цепях. Тут же переминались с ноги на ногу сторожа с кнутами и дед-кузнец. Несколько человек еле стояли на ногах – их поддерживали товарищи. Кто-то глухо постанывал, привалившись к стене. Кто-то надсадно кашлял. Остальные дышали тяжело, с трудом. Еще несколько минут

назад они напирала на сторожей, которые еле оборонялись от перепуганной толпы, но отпрянули, едва слез сам Сысой Псоич.

– Вы чего, мужики? – негромко, зло промолвил он, делая шаг вперед.

Горняки отпрянули. Руки с молотами опустились. Люди задышали чаще, заволновались.

– С чего шум? – повысил голос Сысой Псоич. – Почто работу бросили?

– Так ведь обвал!.. Неможно далее рыть! – загомонили горняки. – Страсть-то какая... Пятерых разом накрыло... Да вон, Дрюха зацепило – камнем прямо...

Рослый жилистый парень, заросший так, что об его истинном возрасте можно было только гадать, лежал у стены на земле. Подле него топтались двое. Один горняк наклонился, потрепал по плечу:

– Дрюха! Слышь... Дрюха...

Тело парня от толчка мешком повалилось набок.

– Кончился Дрюха, – пробормотал горняк.

Горняки стали креститься.

– Кончился, стало быть, – прищурился Сысой Псоич. – Ну, так и поделом!.. А вы чего застыли? На работу!

– Так боязно! – забормотали горняки. – А ну, как оно сызнава? Слышь, трещит крепежь-то! Неровен час... Не, не полезем! Сам иди, коли такой смелый!

– Чего? Бунтовать? Или к Рудничному захотели? – он

шагнул навстречу мужикам. – Мне на ваше место новых найти – раз плюнуть! А вас тут так и замуруют, коли не пойдете!

Охранники не двинулись с места, оставшись стоять подле сторожей с кнутами и дедка-кузнеца. Сысой Псоич пошел на горняков один, уперев руки в бока и насмешливо сверкая светлыми глазами. И, хотя в руках мужиков были ломы, кайла, лопаты, они попятились перед хозяином, опуская глаза.

– Так ведь он того... ну, Рудничный, – бормотание горняков становилось все глуше и жалобнее. В людях боролись два страха – перед хозяином, который был тут, в шаге – и перед тем, что таилось в недрах горы, чье дыхание еще ощущалось там, где совсем недавно была одна из шахт, а теперь фонарь выхватывал из мрака свежую насыпь.

– Что – Рудничный? – холодно, одними губами, усмехнулся Сысой Псоич. – Он свое берет. И коли пробудился, значит, за своим и пришел! И, стало быть, надо кого-то к нему отправить.

Горняки угрюмо молчали, сжимая в крепких мозолистых руках инструменты. Из-под взлохмаченных грязных волос сверкали голодные злые глаза. Сысой Псоич усмехался в бороду, наслаждаясь их бессильным гневом и страхом.

– Ну, может, кто сам охочь? Чарку водки жалую смельчаку напоследок! – усмехнулся он.

– Кровопивец! – не выдержал, наконец, один из мужиков. – Веред! Паук ненасытный! Мало тебе нашей кровушки!

– Вот и смельчак сыскался, – шире улыбнулся Сысой Псо-

ич. – Взять наглеца!

Горняки шарахнулись, попятившись перед охранниками, сбились в кучу, как перепуганное стадо. Некоторые рванулись бежать, но остановились – под землей им некуда было деваться, выход из шахты был только один, а на пути стоял, уперев руки в бока, хозяин, и его светлые, чуть навывкате, глаза горели в подземной тьме, как две свечи. Крепкие зубы скалились в усмешке, но взгляд был холоден и властен.

– Бегите! – голос гулко прокатился по туннелю. – Одного Рудничному будет мало. Все к нему пожалуют! Добро!

Мысль о смерти отрезвила остальных горняков. Они остановились. Выбранный в жертву мужик попытался сопротивляться, но свои же товарищи вытолкнули его из рядов, опасаясь, что в этом случае схватят кого-то из них. Мужик рвался из крепких рук, но ему, усталому, измученному работой, с забитыми подземной пылью легкими, не под силу было сладить с двумя здоровыми парнями. У мужика вырвали кирку, заломили локти назад и, бочком приблизившись, дедко-кузнец сбил с него кандалы.

– Вот так-то, – кивнул Сысой Псоич, когда горняка поставили перед ним на колени, и тот же дедок ловко надел ему на шею рогатку, для верности прикрутив к ней еще и запястья человека. – На сегодня работе шабаш! – гаркнул он. – Этого – за мной. Остальным отдыхать... А мертвяка – вон отсюда, чтоб духу его здесь не было.

Горняки облегченно выдохнули. Кто-то уронил инстру-

мент, по-простому разжав руки. Кто-то сполз по стене на пол. Кто-то навалился на тачку, как на единственную свою опору. И все они старательно отводили глаза от своего бывшего товарища, которого, с рогаткой на шее, два охранника поволокли в ближайший туннель вслед за Сысоем Псоичем. Подле остались только стражники с кнутами и дедко-кузнец. Присев в уголке, он так и эдак крутил снятые с назначенного в жертву горняка цепи, прикидывая, сгодятся ли они для следующего невольника или надо ладить новые.

Сам хозяин шагал по низкому туннелю. Свет фонаря выхватывал из тьмы неровно стесанный свод, стены со следами кирки, время от времени попадался крепеж – подпиравшие потолок бревна и доски-горбыли. Камни, осколки руды валялись под ногами. Внезапно нагнувшись, Сысой Псоич поднял небольшой камень, обтер ладонью.

– Хорош! Как просмотрели? Небось, пошарить хорошенько – не один такой камешек в мусоре-то сыщется! Не зря Рудничный лютует! Такое добро разбазаривать! У-у, крапивное семя! Пёсья сыть... Я бы вас...

Колодник угрюмо молчал и не потому, что был зол – от давящего на сердце ужаса он словно онемел и оцепенел. Кабы не охранники, тащившие под руки, мужик не сделал бы сам ни шагу.

Сысой Псоич внезапно остановился:

– Здесь! Вали его.

Колодник глухо вскрикнул, словно очнувшись, рванулся

бежать, даже пихнул одного охранника рогаткой, но второй ловко подставил ему ногу, и мужик упал. На него навалились сверху, прижимая к земле.

– Держи!

Ловко стянув с горняка пояс, Сысой Псоич быстро, как у бычка, спутал ему щиколотки.

– Готово. Пущай!

Все отступили. Колодник остался лежать, тяжело, со всхлипами, дыша и прикусив бороду. Запястья его были прикручены к рогатке, и распутать узел на ногах было невмочь. Белыми от ужаса глазами он нашел хозяина:

– Пощади!

– Я бы пощадил, да Рудничный строг, – ответил тот.

– Будьте вы прокляты! Оба! – харкнул колодник.

Плевок попал Сысою Псоичу на подол полушубка. Он отступил, прищурил глаза:

– Вот попадешь к Рудничному, сам ему это и передай! Пошли.

Люди тронулись в обратный путь. Сысой Псоич уходил последним. Он не боялся поворачиваться спиной к кому бы то ни было, даже к тому неведомому, что поджидало там, во мраке, в недрах горы.

Огонек фонаря удалился, пропал во мраке. Затихли последние отголоски далекого эха людских голосов и скрипа подъемника. В сводящей с ума, давящей темноте остались лишь хриплое дыхание парализованного страхом человека.

Но в этой темноте и тишине был кое-кто еще. Как давно он появился и откуда – сказать нельзя. Он долго ждал, ничем не обнаруживая свое присутствие. Наконец, ожидание ему наскучило. И он тихо двинулся вперед, ориентируясь на тепло, излучаемое живым человеческим телом.

Глава 1.

Веселый майский рассвет занимался неохотно, словно солнце предчувствовало что-то плохое и не спешило вставать. Низкие облака шли откуда-то с севера, ветер их гнал холодный и на Клязьме вздулись серые волны. Над крепостью хлопал флаг, закричала было к непогоде ворона, да смолкла. На соседней улице слышался благовест. Ему отозвались колокола на других городских храмах. Для обывателей Владимира-Северного, столицы Русской империи, начинался еще один день.

Все свершалось быстро, без лишних слов и шумихи, но слухами земля полнится. Еще затемно к площади стал стекаться народ, так что оцепление из казаков оказалось нелишним. Люди приходили пешком, приезжали в каретах и на извозчиках, но, поскольку наемные экипажи останавливали загодя, эти зрители все равно добирались до площади на своих двоих. Мрачно глядела на площадь знаменитая Навья башня. Возле каждого из трех ее мостов стояло по роте Петропавловского полка, толстая цепь перегораживала проход.

Лобное место было уже готово – пять виселиц и шесть плах не соорудишь за одну ночь. Из крошечных окошек Навьей башни можно было наблюдать за приготовлениями. Последними сложили две поленницы для больших костров –

словно тут, как в старые времена, собирались сжигать скопом ведьм и колдунов.

Высившийся по ту сторону площади дворец молчал. Уже у костров и плах началось движение, уже прибыл всесильный глава Третьего Отделения князь Мишкевич, уже начали снимать цепи с мостов, и в самой Навьей башне загорелись огни, а дворец безмолвствовал. Ни огонька, ни шевеления. Если и теплилась в нем жизнь, то с противоположного, отнюдь не парадного крыльца.

Вдруг в Навьей крепости загрохотали барабаны. Под их усиливающийся грохот опустилась цепь, расступилась охрана, взяв на караул, а потом распахнулись ворота, и выехал отряд конвойных. За ними нестройными рядами, стараясь по давней привычке держать строй и чеканить гордо шаг, показались те, ради кого собрались сегодня на Лобном месте казаки и любопытствующая толпа.

Народ безмолвствовал. Лишь иногда в толпе раздавались шепотки, когда кто-то узнавал знакомое лицо или громко спрашивал соседа: «А это зачем?» или: «А сейчас чего будет?» – и всякий раз на говоруна шикали: «Молчи! Не до тебя!» Десятью отрядами, кто гордо чеканя шаг, кто поддерживая своих обессилевших товарищей, на Лобное место вступали те, кто полгода назад уже приходил сюда – ради иной цели. Император, сказывали, сам утвердил, что казнь должна была свершиться именно здесь.

Последней из ворот Навьей крепости выехала простая те-

лега с высокими бортами, на которой, поддерживая друг друга, стояли десять человек. Одиннадцатый лежал у их ног, закутанный в мешковину. Со связанными руками, осужденные толкались плечами, чтобы сохранить равновесие. На высокого ростом богатыря с соломенно-желтыми волосами с двух сторон навалились сразу двое, и он, пошире расставив ноги, легко удерживал их вес. Мимо притихших отрядов, мимо оцепления, их провезли к плахам и виселицам и оставили там стоять. Спинай к зрителям – все равно из-за помостов виднелись только головы и плечи осужденных – лицом к остальным. Десять смертников – и десять отрядов тех, кому выпала сомнительная честь остаться в живых.

Их подводили к кострам, которые уже разожгли палачи. Приговоров не зачитывали, строк обвинения не оглашали – все это уже свершилось накануне в стенах Навьей башни.

Один отряд за другим они подходили к кострам. Палачи срывали с мужчин военные мундиры, срывали погоны. В огонь летели награды, пояса, знаки отличия. Пламя взвивалось выше, начало гудеть и потрескивать. С шипением плавилась кресты за отвагу, ордена и медали. Запахло паленой тканью. Дым потемнел, пошел клубами. Некоторые из осужденных скидывали мундиры сами и сами, размахнувшись, забрасывали их в пламя, не давая палачам прикоснуться к ним. Окутанные клубами дыма, в пузырящихся на ветру рубашках, они проходили вперед, вставляли на колени.

Обряд был не отработан, поневоле палач медлил, посмат-

ривая на гардевавшего на крупном рыжем мерине главу Третьего Отделения. Рядом с ним стояли два его помощника, священник и писарь, то и дело сверявшийся со списком.

Когда первый из осужденных встал перед палачом на колени, тот принял из рук помощника его саблю, подержал на вытянутых руках над гордо вскинутой головой, покосился на священника и помощника. Священник забормотал отходную молитву.

– Ныне лишается имени, титула, состояния и чести...

Помощник палача шепотом подсказал имя. Палач, не прозвоня его вслух – зачем имя мертвецу? – с натугой, так, что было видно, как вздулись мускулы на плечах, переломил саблю, отшвырнул обломки в сторону, как металлолом. Священник протянул осужденному крест:

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа... Прими, Господи, душу грешного раба твоего. Аминь.

Человек поцеловал крест, встал, чтобы тут же уступить место второму. Потом пришел черед третьего, четвертого, пятого...

В стороне, за оцеплением, вместе с другими стояла простая карета, похожая на почтовую. Кучер на облучке не спеша крестился, посматривая то на виднеющиеся из-за домов купола ближайшей церкви, то на Лобное место.

Прильнув к окошечку, Настя кусала платочек. Глаза болели, грудь сжимало, но она не плакала. Слезы кончились еще несколько дней назад, когда она случайно, окольными путя-

ми, из недомолвок и намеков поняла, что ее муж приговорен. Шесть месяцев страха, тревоги, неизвестности. Шесть месяцев глухой стены молчания и одиночества. К ней не допускали даже подруг, да и с прислугой Настя виделась лишь в присутствии своей матери, которая коршуном следила, как бы горничные не передали ее дочери чего лишнего. А ведь она была беременна. Шел уже седьмой месяц, и шесть из них Настя терзалась мыслью, увидит ли когда-нибудь ее ребенок своего отца.

Мать сжалилась над дочерью, когда уже поздно было что-то менять – Насте осталось носить всего ничего, и ей разрешили выходить из комнаты и свободно бродить по дому и саду. Тут ее и подстерегла новость – мол, суд состоялся, ее муж приговорен. Но что ему грозило? Смертная казнь или «всего лишь» каторга? Никто не знал, и Настя, рискуя своим положением, тайком сбежала из дома. Без паспорта, с горничной Малашей, на свой страх и риск добралась до Владимира-Северного. С полдороги написала два письма – в одном просила прощения у родителей за самовольный поступок. В другом письме спешила известить давнюю подругу, Нелли Шумилину, что спешит в столицу. От Нелли она и узнала о том, где и когда состоится казнь. Но о судьбе мужа – по-прежнему ничего.

Мужа Настя увидела издалека. Высокий стройный князь Алексей Варской был в третьем отряде. Не давая рукам палача коснуться его мундира, он сорвал его с плеч сам, что-

то пренебрежительно бросил протянувшему руки мужику и быстро швырнул его в огонь. Последний раз прощально звякнули друг о друга два ордена, а Алексей решительно прошел вперед, вставая перед палачом на колени. Дрогнула на вытянутых руках сабля, полученная в свое время от великого князя за храбрость. Солнечный луч позолотил клинок, заставил заблестеть разводы – сабля была из императорских, дамасской стали. Она согнулась почти в кольцо, сопротивляясь до последнего. Благородное оружие хотело жить. Алексей, наверное, что-то сказал – палач вдруг огрызнулся в ответ, досадуя на неподатливый клинок. Резко, на выдохе, еще раз свел руки – и сабля, наконец, переломилась с жалобным звоном. Рука у палача дрогнула от рывка, и один из обломков задел Алексея по голове.

Он покачнулся. Настя ахнула, рванулась из кареты и не выскочила только потому, что верная Малаша вцепилась в подол, силой удерживая госпожу на месте. До белизны прикусив губу, обхватив руками напрягшийся живот, Настя видела, как встал Алексей. Из царапины на лбу текла кровь. Священник сунулся было к нему с последним напутствием – он отстранил протянутую руку, отошел к остальным. Там другой палач сорвал с его плеч рубашку, сунул в руки какую-то тряпку мышинового цвета.

– Ох, барыня, – Малаша высунула нос. – Чего теперь будет-то?

– Не знаю, – шепотом ответила Настя. Алексей исчез в

толпе таких же, как он, серых, безликих. Разглядеть его было невозможно, но она упрямо смотрела в ту сторону, поглаживая живот одной рукой и мысленно утешая нерожденного младенца: «Ничего, ничего, маленький!».

– Поедем, ништо, барыня?

– Нет. Я должна досмотреть...

– Да чего там, – начала было Малаша, но под холодным взглядом госпожи осеклась.

Не отвечая ей, Настя снова уставилась в окошко.

Казнь шла своим чередом. Звенели и трещали ломаемые клинки, что-то бубнил священник себе под нос, гудело и потрескивало пламя. Двигались люди. Лишь однажды ровное монотонное течение словно застопорилось – когда к палачу подошел русоволосый юноша лет двадцати. Чуть пошатываясь, он шагал, как потерянный, а когда опустился на колени, от свиты князя Мишкевича отделился человек в темно-синем, почти черном мундире с нашивками в виде черепов. Он решительно сделал несколько шагов вперед, когда русоволосый юноша вдруг увидел его. Долю секунды осужденный и человек в тесно-синем мундире смотрели друг на друга, а потом осужденный покачнулся и, как подкошенный, рухнул на землю, забившись в судорогах.

К нему бросились, приводя в чувство и спеша оттащить к остальным. Человек в темно-синем мундире вернулся к Мишкевичу, заговорил с ним. Настя этого не видела – она во все глаза смотрела в другую сторону, надеясь отыскать

Алексея.

Наконец, страшный обряд завершился, и десять отрядов вернулись в крепость. Настя проводила их глазами, обернувшись на тех, кто все это время простоял на телеге, сверху вниз взирая на то, что совершалось над их товарищами. Забили барабаны. Дробный перестук рассыпался частым горохом. На ближайшей церкви откликнулся благовест – завершалась заутреня. Колокольный звон сливался с барабанным боем, рождая причудливую какофонию звуков. Под этот шум десять человек один за другим поднялись на помост. Одиннадцатого вынесли на руках, пристроили подле крайней виселицы.

Стараясь перекрыть бой барабанов, глашатай начал зачитывать приговор. До Насти долетали обрывки фраз: «Злоумышление на жизнь помазанника Божия...» «измену родине и присяге», «подстрекательство к бунту...», «приговорить к смертной казни через удушение...», «к смертной казни через обезглавливание...» Она, затаив дыхание, слушала имена. Алексея Варского среди них не было. Как не было его и среди тех десяти, кто уже занял свои места подле плахи и виселиц. Вместе с десятками других своих соратников ее муж, князь Алексей, скрылся в темном нутре Навьей крепости.

Тем временем на виселицу подняли первого – тот самый зашитый в рогожу куль. Его подвесили так, чтобы всем было видно. Спереди укрепили табличку с именем «Убийца и

мятежник Юро Крутицкий». Человек в темно-синем мундире с нашивками из черепов, тот самый, чей единственный взгляд лишил сознания одного из осужденных, с холодным безразличием рассматривал это странное чучело. Настя тоже невольно обратила взор в его сторону. Близко не разглядишь, но по всему видно, что если там, под слоем мешковины, и находился человек, то живым он перестал быть уже несколько дней назад.

Засмотревшись, она пропустила миг, когда на остальных осужденных стали накидывать на голову мешки, а иных, сорвав с плеч рубахи, ставили перед плахами. Опомнилась Малаша, подергав госпожу за рукав:

– Не смотрите, барыня! Негоже в вашем-то положении...

Но весь остальной народ вытаращил глаза, затаив дыхание. Ни звука, ни шороха, только жадно выпученные глаза, да сводящая с ума барабанная дробь. И под эту дробь свершилась казнь.

Только раз отчаянный крик вырвался из десятков глоток – когда один из висельников, светловолосый великан, сорвался с петли. Побелев, Настя отпрянула вглубь кареты, крепко зажмурилась. Горло перехватило, под веками запрыгали цветные пятна, противно, как комар, зазвенело в ушах, а прочие звуки отделились, доносясь, как из-под воды. Живот скрутило острой болью. Она смутно чувствовала, как хлопочет над нею Малаша, как трет ее руки, как кличет по имени. Потом в нос сунулся флакончик с нюхательной солью. Настя

встрепенулась, распахивая ресницы.

– Что?

– Барыня, – всхлипнула Малаша, – барыня...

Настя, отталкивая горничную, снова приникла к окошку. Казнь свершилась. Четыре тела болтались в петлях – последнее еще судорожно подергивалось, жизнь неохотно покидала светловолосого великана, – шесть голов одну за другой водружали на пики с укрепленными на них табличками, где значились имена казненных. У Насти опять потемнело в глазах, но самого дорогого имени – Алексея Варского – среди них не было, и она перевела дух.

– Трогай...

Зрители не спешили расходиться. Лишь несколько карет поторопились покинуть Лобное место. Лошади не спеша цокали копытами по мостовой. Барабанный бой и благовест перестали тревожить слух, но наступившая тишина камнем лежала на душе Насти. Алексею оставили жизнь. А дальше? Правы те, кто утверждает, что умереть легко – с жизнью прекращаются все тревоги и заботы, на исстрадавшуюся душу снисходит покой. А живые остаются жить, бороться, тянуть лямку судьбы. Алексей Варской остался ходить по этой земле, но сейчас он был дальше от Насти, как если бы лежал в холодной сырой могиле или раскачивался в петле.

– Что будем делать, барыня?

По недовольному лицу Малаши Настя поняла, что горничная не первый раз задает этот вопрос.

Она подняла голову, поглядела в окошечко. Карета медленно тащилась по улице мимо домов и особняков. Центр города, тут все больше частные дома. Где-то на Преображенской улице особняк ее родителей. А по какой улице они едут сейчас? Куда ехать? К себе домой, в родные стены, чтобы там затаиться в уголке, заплакать, лелея свое горе или сначала к любезно подруге Нелли Шумилиной, чей жених тоже был среди осужденных? Или...

Уже привстав, чтобы крикнуть кучеру, чтоб повернул, Настя увидела обнесенный зеленой стеной особняк. Липы и кусты сирени, чередуясь, образовывали живую ограду, за которой стоял четырехэтажный дом с колоннами у входа.

– Стой!

Шальная, тревожная мысль была подобна удару кнута. Перед нею высился особняк князей Варских, родовое гнездо ее мужа. Когда-то именно сюда привез Алексей молодую жену после свадьбы. Тут они жили, пока не отправились к морю на все лето – правда, ненадолго – дела Тайного общества, активным членом которого был Алексей, заставили их вернуться почти на месяц раньше срока. Здесь Настя узнала, что станет матерью, и после этого известия муж неожиданно услал ее из города, в поместье к родителям. Мать Насти сама вызвалась ехать с дочерью – вернее, она приехала в поместье на другой день, после того, как растерянная Настя осталась наедине со своими тревогами. Было это неполные семь месяцев тому назад. С тех пор Настя ни разу не видела Алексея,

питаясь только слухами о восстании, его поражении и судьбе заговорщиков – вернее, теми крохами новостей и слухов, которыми делились с нею родители. Писать свекрови ей не разрешали. Знает ли мать о судьбе ее сына? Почему она не написала невестке ни слова? Как она пережила эти страшные полгода? Об этом думала Настя, выбираясь из кареты.

Лужайки вдоль подъездной дорожки были чистыми, ухоженными. Кусты сирени подстрижены. Кругом следы покоя, довольства и уюта. Не скажешь, что в столице уже полгода как исподволь бушует буря – с тех самых пор, как злоумышленники восстали против императора.

Навстречу гостье вышел слуга. Несмотря на то, что она прожила тут всего несколько месяцев, ее узнали сразу. Старого князя нет, он отъехал по делам, старший сын их, Елисей Варской, отсутствует, но старая княгиня Варская уже поднялась.

– Проси доложить...

Насте вдруг сделалось страшно. Зачем приехала она в этот дом? Чего ждала от встречи со свекровью. У нее дрожали ноги, а сердце колотилось как бешеное, когда лакей вернулся и сообщил, что их сиятельство будут рады принять раннюю гостью.

Княгиня Фелициата Алексеевна встретила Настю, сидя в глубоком покойном кресле со светлой обивкой. Вся мебель в комнате, полы, занавески на окнах, штоф, которым были обиты стены – все было выдержано в светлых тонах. Земли-

сто-бледное лицо княгини терялось на этом фоне, кабы не темные волосы, обрамлявшие его, не карие глаза под густыми бровями, не глухое, темно-фиолетовое платье.

– Анастасия, – негромко, надтреснутым голосом произнесла княгиня Фелициата. – Прости, что не встречаю тебя, как подобает – здоровье мое в последние дни пошатнулось. Только и хватает сил, что ходить между постелью и креслом. А ты как? Здорова ли?

– Здорова, – кивнула молодая женщина.

– Оно и видно, – кивнула княгиня. – Ты еще молода, здоровья крепкого... Только больно бледна. Чай, срок уже подходит? Садись.

Княгиня позвонила в колокольчик, приказала горничной подать легкий завтрак – горячий шоколад, печенье с маслом. Настя отказываться не стала, хотя при одном воспоминании о том, что было на Лобном месте какой-нибудь час тому назад, в желудке все узлом завязывалось. Но чашку приняла, сделала глоток.

– Рожать, что ли, приехала? Оно и видно! В деревне ни одного порядочного врача не найдешь! Еще как ты хворь-то свою переборола, младенца не выкинула...

– Простите, – Насте удалось вставить слово, – но я не болела. Это ошибка какая-то.

– Никакой ошибки нет. Матушка твоя писала, что ты простудилась на Рождество, да так крепко, что уж соборовать тебя собирались. Всю зиму в горячке металась. Инфлюэн-

цу нашли доктора. Я писала, чтобы вызвали к тебе доктора Штерна, да маменька твоя отписалась, что он уж был к вам с визитом...

Настя слушала свою свекровь и не верила ушам. Она простудилась? Болела инфлюэнцей? К ней привозили доктора Штерна? Когда?

Когда Алексей находился под следствием, – подсказал внутренний голос. Когда его арестовали, допрашивали, когда он сидел в Навьей башне, мучаясь от неизвестности, и со дня на день ожидая своего приговора. Все это время она, Настя, сидела за закрытыми дверями, лишённая возможности общаться с внешним миром, окружённая стеной молчания, которую день за днём возводили вокруг нее родители.

– Я вам писала, – пробормотала она.

– Так и я писала, а толку? Матушка твоя отвечала, что боится заразы. На твоём месте я бы все-таки навестила доктора Штерна. Тебе нельзя рисковать. Что-то ты бледна, душа моя. Небось, устала с дороги? Только что приехала? Платье на тебе, смотрю, дорожное... Багаж-то твой где? С кем ты путешествуешь?

Свекровь засыпала ее вопросами, и Настя растерялась. Что бы она ни сказала, выходила ложь.

– Я приехала одна, Фелициата Алексеевна, – призналась она.

– Одна? И как родители тебя отпустили?

Родители ее очень не хотели отпускать, но зная свекрови

про побег не стоило.

– Ну, да ладно, – княгиня со стуком поставила чашку на столик подле кресла, – ты с дороги устала. Как бы горячка не началась. Мой тебе совет, душа моя, отправляйся-ка в постель. Сейчас тебе приготовят комнату, а пока ты отдыхаешь, я вызову доктора Штерна. Он сейчас в столице и должен тебя осмотреть. Твои старые комнаты никто не занимал, но пока доктор не скажет, что опасности никакой, все-таки не слишком броди по дому. А вдруг...

– Фелициата Алексеевна, – не выдержала Настя, тоже отставив чашку в сторону, – я приехала из-за Алексея.

Как резкий порыв ветра задул свечу – так вмиг изменилось лицо свекрови.

– Вот оно что, – протянула старая княгиня, отвернувшись к окну. – А я-то думала – навестить нас решила. А ты вон как... Да уж, ради такого со смертного одра, кажись, вскочишь – или, наоборот, в гроб ляжешь.

Настя поняла, что княгиня говорит о себе.

– Что вы, Фелициата Алексеевна, – воскликнула она, – вам еще жить да жить...

– Да уж, жить... А как? – карие глаза сверкнули на бледном лице, отголоском внутренних страстей вспыхнул на костистых скулах румянец. – Алексей... Алексей на императора злоумышлял. В его бумагах нашли письма о том, что они создавали некую Когорту Обреченных. Ведаешь, что сие за Когорта? Это те люди, которые хотели пролить кровь пома-

занника Божия! И Алексей был в их числе! Добровольцем! Мой сын – цареубийца!

Дрожь ее голоса, блеск глаз, волнение передались Насте.

– Но это же ваш сын, – прошептала она, – неужели вам его не жалко?

– Жалко? – глаза княгини сверкнули. – Я мать. Я его больше никогда не увижу, но у меня остался Елисей. Род не прервется. Но как Валерии искать женихов? Девочка только-только начала выезжать... Сейчас она в деревне, а осенью вернется и что тогда? Только если за границу ее отправить на год-другой...

– Фелициата Алексеевна, Алеша жив, – промолвила Настя. – Его не казнили.

– И что с того? Назад ему уже не вернуться. И мы его больше никогда не увидим. Хорошо, хоть ребенок от него останется – все какая-то память, да и то, что его ждет с таким-то отцом? Ладно, раз ты приехала, будешь гостьей. Я распоряджусь...

– Нет, Фелициата Алексеевна, я так не могу! – промолвила Настя.

– Чего не можешь? Остаться? Это и твой дом тоже! Не забудь, ты отныне княгиня Варская! У тебя будет ребенок. Ты обязана...

– Я не могу так все бросить, – сказала Настя. – Я должна увидеть Алексея! Я хочу его увидеть.

– Смелая ты, – усмехнулась ее свекровь.

– Вы его видели?

– Нет.

– Я специально приехала, чтобы увидеть Алексея и... быть рядом с ним, – Настя поднялась. – Я чувствую – ему тяжело. Ему очень плохо, и ему нужно, чтобы рядом был кто-то, кто в него верит. Чтобы он знал, что не один... Я знаю, каково это – когда ты день за днем наедине со своими мыслями и чувствами, а всем, решительно всем до тебя и твоей боли нет никакого дела, когда все вокруг лгут или вовсе отмалчиваются. Когда не знаешь, кому довериться, к кому обратиться...

– Ишь ты, матушка, чего вскочила? – воскликнула княгиня. – Никак, укорять меня вздумала? Думаешь, Елисей пороги не обивал? Думаешь, отец сложа руки сидел? А только супротив Особой комиссии не попрешь. Алексей, между прочим, открыто признался, что сам свою судьбу выбрал. Вот пусть по ней и идет. А у тебя своя судьба – тебе ребенка родить.

– Моя судьба, – Настя прислушалась к своим словам, – это Алексей. Без него я не буду жить.

– Больна ты, милая, вот что, – отрезала ее свекровь. – Прилечь тебе надо! Эй, кто там? Проводите княгинюшку в опочивальню. Устала она с дороги... Да пошлите за доктором Штерном. Как бы горячки не было!

Настя с тоской посмотрела на вошедших слуг, обернулась к свекрови.

– Я приехала ради Алексея, – сказала она. – И я его не оставлю.

Она повернулась, выходя из комнаты, и не увидела, как глаза старой княгини наполнились слезами.

Тягостно тянулось время, но разум словно уснул, оцепенел, пребывая в спасительном забытии. Слишком резким оказался переход к новой жизни. Вчера еще государственные преступники, терзаемые неизвестностью, одиночеством, тоской по близким, страхом за свою жизнь и жизнь товарищей, они были вынуждены терпеть холод каменных стен, сырость, темноту, затхлую воду, спертый воздух, неудобную жесткую постель, кишевшую клопами и полное бессилие. Дни, порой недели полного одиночества, когда даже с охраной словом не перемолвишься, изредка прерывались короткими допросами. Беседовать приходилось об одном и том же – крючокотворы из Особой Комиссии хотели знать абсолютно все, до мелочей.

Так прошла зима, весна. Изредка узников навещали родственники – приезжали сестры, жены, матери. Передавали приветы и последние светские сплетни. За каждой встречей всегда наблюдали посторонние глаза. Тут особо не поговоришь.

К Алексею Варскому приезжали только дважды – сначала, сразу после того, как схлынула волна арестов и начались первые допросы, его навестил отец. Несколько минут испы-

тующе смотрел на сына, потом спросил: «Ну, и чего вы добились? Стоило это таких жертв?» Знавший крутой, упрямый нрав своего отца, князя из старинного рода Рарожичей, Алексей удержался от объяснений, и старый князь уехал ни с чем.

Чуть позже приезжал младший брат. Новости, привезенные им, были нерадостны. Елисей сообщил, что ни взятки, ни посулы ничего не дали – участь Алексея не смягчена, все осталось по-прежнему, а от его жены, Анастасии, никаких вестей. Только ее мать отписалась, что она лежит больная, в горячке и так плоха, что есть серьезная опасность для жизни. И – ни слова про ребенка. Алексей бросил жену беременной – дела Тайного общества поглотили целиком. Подготовка шла полным ходом, но внезапно выяснилось, что заговорщиков кто-то выдал. Решено было выступить почти на полгода раньше намеченных сроков, спешным порядком. И, как результат – провал всего дела.

Вспоминать тот день Алексей не хотел. Не потому, что стыдно – для себя он решил, что поступил правильно. И не его вина в том, что надежды и чаяния потерпели крах. Он сделал все, что мог и не жалел о принятом решении. Но следователи Особой Комиссии и император, решивший лично встретиться с некоторыми заговорщиками, считали иначе. Да что они! Отец, посетивший сына единственный раз за полгода, разве что не плевался с презрительной миной. Брат Елисей держался куда как теплее, да и то, видимо, в душе

радовался тому, что все так обошлось. Сестрица Валерия передавала с ним письмецо – его тут же заставили прочесть вслух, не содержалось бы в нем крамолы? Но какую крамолу могла сковать девица неполных шестнадцати лет? Ее пока угловатый подростковый почерк долго стоял у Алексея перед глазами: «Милый братец! Мы тебя очень любим. Я ежедневно молюсь Пресвятой Деве за тебя. Господь, спаси и сохрани тебя, и товарищей твоих, всех до единого...» Среди его товарищей был один, Владимир Шаховской, молодой корнет. Он в прежние времена часто бывал у Варских, а на детских балах несколько раз танцевал с Валерией. Ему было всего восемнадцать лет, Валерии – пятнадцать. И через два-три года они могли бы...

Нет, не могли. Теперь уж нечего думать о том, что никогда не свершится. Владимиру, вместе с другими судьба – кануть в неизвестных просторах Закаменья, Валерии – остаться в столицах, блистать в свете и пытаться забыть первое детское увлечение. Случайно или нарочно она в том письмеце написала много о домашних мелочах и своих мыслях о предстоящей разлуке с братом, но ни словом не упомянула влюбленного в нее корнета? Не заметила его чувств? Или наоборот? Что теперь гадать!

Что теперь гадать о чем бы то ни было? Следствие закончено. Приговор оглашен. Десять лет рудников и двадцать лет поселений. Почти столько же лет, сколько Алексей прожил на этой земле! А все же он считал, что ему повезло. Из ка-

меры в камеру, невзирая на все ухищрения сторожей, а то и с их помощью за небольшую мзду передавали вести – кто приговорен к казни, кто – к вечному заключению в подземных казематах той же Навьей крепости, кто не дожил до суда, сошел с ума или покончил с собой. Трое пытались бежать. Безднадежно, без подготовки – просто внезапно кинулись к воротам, а охране было приказано стрелять... Алексей так не мог. Не хотел ни умирать, ни даже думать о смерти, пока не узнает, что с женой и ребенком. Получить бы хоть какую-нибудь весточку от Насти или ее родни! Но не было ничего. Только скупо оброненное Елисеем при той единственной встрече: «Все благополучно!» И Алексей жил. Цеплялся за надежду, что вот-вот его вызовут для свидания, и там, в перегороженном двойной решеткой глухом коридоре его будет ждать она, Настя. Пусть ничего не говорит, пусть только смотрит – и пусть ему будет дозволено несколько минут смотреть на нее.

Но не было ничего. Ни свидания, ни письма.

Зато наступил день отправки...

На этап пересылали небольшими группами, по полторы-две дюжины человек. Вечерами из камеры в камеру летел условный стук – кому быть следующими. Не знали до последнего – лишь накануне вечером присылали списки. И если они попадались на глаза подкупленному надзирателю, тот давал знак.

Настало время и для Алексея. Завтра! Что-то сжалось

в душе, когда он услышал условный стук. Уже завтра! Все словно оборвалось внутри. Если вестей от Насти не будет до завтра, все кончено...

Вестей не было.

Зато был тюремный двор, где уже толпились его товарищи по несчастью. В Навьей башне не сидели простые преступники – для них была другая тюрьма, Грачиное Гнездо, поскольку так или иначе большинство этих людей так или иначе были связаны с Грачами, самым опасным районом города, где на улицах за ночь находили больше трупов, чем во всем остальном Владимире с пригородами. И на двор собралась только те, кого приговорила Особая Комиссия. Немудреные пожитки арестантов – после казни у них отобрали почти все, даже нательное белье, выдав взамен другое – сложили на большую подводу. Тут же тюремный кузнец заковывал их в кандалы. Немногие до суда и казни носили цепи, и лично для Алексея сие было в диковинку. Он даже почувствовал страх, когда железные браслеты коснулись запястий. И тот звон, который они издавали теперь при каждом шаге... Когда завершилась работа, Алексей отошел в сторонку, поновому прислушиваясь к себе и примеряясь заново к телу. Непривычно. Неудобно. Но ничего.

– Ничего, – поймав его взгляд, угадал мысли Антон Багрицкий, попавший в ту же партию. Шумливый, веселый, душа компаний, Антон не боялся крови и один из первых высказался за убийство императора. И едва ли не первым во-

шел в знаменитую Когорту Обреченных – смертников, должествующих пожертвовать собой, но пролить кровь монарха. Не раз и не два его шутки злили стражу и поднимали дух сокамерников. Алексей обрадовался тому, что Антон будет рядом.

– За Камнем не тот свет, – сказал он. – И там светит солнце. А человек – он такая скотина живучая, ко всему привыкает! Будем надеяться на лучшее!

– Руки у вас, ваше благородие, тонкие какие, – проворчал кузнец кому-то за спиной Алексея. – Ровно у барышни... Как вы с такими-то руками воевать собирались?

– Да уж как-нибудь, – ответил знакомый голос.

Алексей обернулся, и сердце радостно стукнуло – он узнал Владимира Шаховского. Юный корнет похудел, оброс, стал похож на дьячка какой-нибудь деревенской церквушки, но все еще глядел молодым. Он улыбнулся тонкими красивыми губами, поравнявшись с товарищами.

– Еще поживем? – приветствовал его Антон.

– Поживем, – негромко ответил Владимир и взглянул на Алексея: – А нет ли...

– Валерия передавала поклон, – сказал тот, умолчав о том, что письму было уже больше месяца. Но для тюрьмы такого рода вести никогда не теряют остроты и свежести. Бывший корнет просиял, словно получил приглашение на бал. Но его улыбка тотчас померкла.

– Жаль, что ответного поклона передать не могу, – про-

молвил он. – А что твои?

Алексей отвернулся. С каждой минутой думать о Насте хотелось все меньше и меньше.

Наконец, ворота отворились. Долгий путь начался.

Было раннее утро, почти такое же, как две недели назад. Столица уже просыпалась, но народа на улицах пока было мало. Опять звонили к ранней заутренней, уже разъезжали первые извозчики, торопились молочники, где-то шаркали метлами дворники, брели мастеровые, заканчивали утренний обход своих участков городовые. Кандальных вели в сторону Грачиного Гнезда, где их ждала партия других ссыльных.

Встречные прохожие, заметив арестантов, останавливались. Кто-то просто глазел, кто-то принимался креститься. Какая-то старушка шагнула вперед, протягивая дрожащую ладонь. Прежде, чем охранявший строй казак успел загородить конем ей дорогу, быстро сунула в чью-то руку гривенник и торопливо перекрестила весь строй:

– Храни вас Господь, сынки!

– Пошла, – казак принялся теснить ее в сторону, замахнулся плетью. – А не то...

– Стыдно, – беззлобно откликнулась старушка. – Мать бы свою так...

Служивый скрипнул зубами, но погнаться за старушкой не посмел – служба превыше всего.

На углу Поварской и Пожарной стояла девушка. Простое

платье, передник, корзинка на локте, линялый платок надвинут на глаза, толстая русая коса лежит на груди, как сонная змея. Служанка, спешащая за провизией с утра пораньше, да остановившаяся полюбопытствовать. Живые глаза быстро обежали строй кандалных. Не так уж и много их было, чтобы кого-то упустить.

– Барин! Алексей Михайлович!

Он вздрогнул, услышав свое имя. Оглянулся на девушку. Та торопливо оттянула платок со лба, открывая глаза и высокий чистый лоб. Лицо впрямь знакомое, но откуда?

– Барин, – останавливаться было нельзя, девушка зашагала следом, – Настасья Павловна вам кланяются!

– Настя?

Неведомая сила сорвала Алексея с места. Он шагнул из строя.

– Настя? Где? Что? Ты кто? Как звать? – имя жениной горничной вылетело из головы.

– Малаша я, барин... Настасья Павловна здоровы...

– Ку-уда? – уж на этой-то женщине казак не преминул отыгаться. Плетью охаживать не стал, но направил коня прямо на горничную, замахиваясь. – Пошла вон!

Другой его товарищ кинулся на Алексея. Не церемонясь особенно, выхватил нагайку, хлестнул по спине:

– Встать в строй!

– Что Настя? – Алексея кто-то из товарищей дернул за рукав шинели. – Где она?

– Туточки она! – из-за туши казацкого коня, закричала вслед удаляющимся кандальникам Малаша. – В городе! Ай!

Раздосадованный упрямством горничной, казак все-таки огрел ее плетью и тут же поскакал догонять своих.

Алексею тоже перепало еще несколько раз прежде, чем хлеставший его казак решил, что с него довольно. Антон и Владимир с двух сторон, не стовариваясь, поддержали его под руки.

– Быдло, – губы дрожали от возмущения и гнева. – К-как он смел? Я офицер...

– Бывший, – шепнул Владимир. – Больно?

– Душе больнее, – от пережитого Алексея всего трясло. Только теперь он начал понимать, что на самом деле значили слова «лишить имени и чести».

– Гляди веселее, – Антон Багрицкий не мог долго унывать. – Нет худа без добра. Зато про своих кое-чего узнал.

– Да уж, узнал...

Мысль о том, что Настя в городе, согрела душу. Но како-во-то будет жене, когда ей холопка расскажет, как его, военного офицера, у всех на глазах хлестал плетью простой казак? И ради вот этих людей они рисковали собой? Ради них шли на смерть, подвиг и преступление? Да – и ради этих тоже. Ради того, чтобы поменьше было тех, кому сечь людей – не только работа, но и развлечение.

В Грачином Гнезде кандальников тоже готовили к этапу. Там собралось человек сорок-пятьдесят от совсем юн-

цов, лет по тринадцати, до убеленных сединами стариков. Отдельной группкой стояли женщины. Эти были без цепей. Все одинаково бледные, с пустыми усталыми лицами со следами слез. У двоих на руках были маленькие дети. Еще одной предлагалось пойти по этапу беременной.

Пока суд да дело, вышло несколько минут отдыха. И тут к группе женщин откуда-то вынырнул невысокого роста старичок, по пятам за которым следовал дюжий слуга с большой корзиной в руках. Старичок, как заметил Алексей, пришел с улицы. Не обращая внимания на суету вокруг, он принялся раздавать женщинам яркие цветные ленты, яблоки, апельсины и конфеты в блестящих обертках. Старшему ребенку сунул печатный пряник, для младшего матери его – нарядную рубашечку. Беременной долго что-то шептал, отечески поглаживая по руке. И те же казаки, которые еще недавно отгоняли от кандальников простых людей, позволяли чудакوماتому старичку беспрепятственно оделять сладостями арестанток.

– Батюшка, Карл Францевич, – только и окликнул его один из унтер-офицеров, когда тот принялся раздавать сладости по второму разу, видимо, в корзине еще немного оставалось, – да чего ты им конфеты-то суешь? Нет бы, хлеба дал или денег!

Названный медленно обернулся в его сторону, взглянул исподлобья маленькими живыми глазками.

– Тенег, – коверкая русские слова, промолвил он, – или

клеба им любой даст. А вот апельсин или конфект они долго не уфидеть!

И по этому выговору и по взгляду исподлобья Алексей еще вернее, чем по имени и внешности признал того самого доктора Штерна, на которого почти молилась его матушка, считая его светилом медицины, хотя и несомненным чудаком. Но ведь именно доктора Штерна призывали к постели Насти, когда ей внезапно стало плохо на балу. И именно доктор Штерн, осмотрев молодую женщину, вот точно также исподлобья посмотрел на Алексея и проговорил: «Не горевать, а радоваться надо. То не болеснь, а обычное состояние для самушней женщин... Ждите наслетник!»

– Доктор Штерн!

Старичок удивленно вскинул брови:

– Йа?

– Доктор, – торопясь, пока и тут не помешали, воскликнул Алексей, – вы меня, наверное, не помните... Мы звали вас к моей жене... когда она забеременела...

– Молодой шеловек? – старичок быстро подошел ближе. – Шем могу слушить?

– Моя жена, Анастасия Варская, – почему-то волнуясь, заговорил Алексей. – Она сейчас здесь, в столице... Я не знаю, где она остановилась, но... Она должно быть, еще не разрешилась от бремени... Вы передайте ей...

Он осекся, увидев на скорбно поджатых губах старичка-доктора понимающую улыбку.

– Перетам, молодой шеловек, все перетам...

Быстро обернулся к своему слуге, так и тащившемуся за ним с корзинкой, вынул большой апельсин и сунул Алексею в руки.

– Ей, – пальцы сами оттолкнули веселый плод, – отдайте ей. И еще...

Карманы были пусты. Ни платка, ни мелочи не завалилось в них. Но решение пришло само. Руки действовали словно отдельно от тела. Под рубашкой нашарили цепочку, рванули, обжегши кожу, и в сухую ладошку доктора лег нательный крест. Даже казак, уже собравшийся оттереть доктора от арестантов, застыл, вытаращив глаза.

– Ай-яй-яй, молодой шеловек! – покачал головой старый доктор. – Расве ш так мошно? Фам выпало счастье шить, а вы...

Алексей и так понимал, что совершает, и смутился, когда старый доктор поспешил вернуть ему крест.

– Не торопитесь, молодой шеловек, – промолвил он. – У фас впереди целая шизнь...

– Но моя жена, – пробормотал Алексей. Неужели он расстанется с Настей навсегда, и у нее не останется ничего на память?

– Фаша супруга утешится, – улыбнулся доктор Штерн. – Я фсе ей передам. И ей будет приятно узнать, што вы не трогнули и сохранили гордость и честь!

Старый доктор назидательно поднял палец. Алексей хотел

было возразить, что по приговору суда чести-то их и лишили, и плеть казака недавно это доказала, но не произнес ни слова и лишь крепче сжал в кулаке крест.

Дольше поговорить им не дали – формальности были улажены, и колонне арестантов пришлось трогаться в путь. Пешими, вслед за телегами, на которых было свалено нехитрое имущество и дорожные припасы, в окружении конных казаков. Прочь из столицы, на Камень и дальше.

Слишком поздно Настя поняла, что угодила из огня да в полымя. Нет, свекровь не держала невестку взаперти, но приставленная к молодой женщине приживалка следовала за нею по пятам, принимаясь скандалить и чуть ли не звать на помощь, стоило Насте попытаться нарушить неписанное правило – ни под каким видом не отлучаться из дома. В остальном семейство Варских ее почти не замечало. Старый князь Михаил Романович ограничивался лишь дежурными фразами за столом. Елисей, тот и вовсе держался в стороне, словно то, что совершил его старший брат, бросало тень на его жену. Писать ей дозволялось, но письма просматривала сама Фелицата Алексеевна или ее супруг, и Настя не была уверена, что все, написанное ею, было отправлено адресатам. Сама же княгиня Варская при первом удобном случае отписала родственникам, извещая, где находится беглянка. Ответ от родителей последовал незамедлительно, а вслед за письмом должны были прибыть и они.

Время уходило. И Настя решилась на отчаянный шаг. Она известила Фелициату Алексеевну, что желала бы увидеться с подругой, Нелли Шумилиной, с которой давно не встречалась, и которой писала еще с дороги. Княгиня дала свое согласие.

Накануне Настя написала еще одно письмо, тщательно сложила и спрятала в рукав. Благо, фасон траурного платья позволял это. Чтобы лучше контролировать, не выпало ли заветное письмецо, молодая женщина вооружилась платком и то и дело нервно теребила его в руках, якобы волнуясь, а на самом деле проверяя, не провалилось ли письмо вниз, к локтю.

Нелли Шумилина впорхнула в гостиную, нетерпеливая и взволнованная. Подруги бросились друг другу навстречу, поцеловались.

– Ах, милая моя Стаси, – на галльский манер выговаривая имя подруги, воскликнула Нелли, – ты не представляешь, как я волновалась! Ты писала, что приедешь – и молчание!

– Я не знала, где остановлюсь, Нелли, – ответила молодая женщина. – Ее сиятельство была так любезна, что позволила мне пожить здесь.

Обе молодые женщины посмотрели на княгиню Варскую. Она еще утром ясно дала понять, что общаться подруги смогут только в этой гостиной, то бишь, в присутствии третьего лица.

– В конце концов, моя милая, ты принадлежишь к нашему семейству, – произнесла Фелициата Алексеевна светским тоном.

– О, Стаси? – взвизгнула Нелли, только сейчас заметив ее положение. – Стаси, я глазам своим не верю! Ты... беременна?

– Да. Я... всю зиму прожила у маменьки в деревне...

– Ах, в деревне зимой такая скука! – воскликнула Нелли. – То ли дело в нас! Ах, если бы еще и не это покушение... Общество лишилось стольких блестящих кавалеров! Мы все так переживали, так переживали... У меня расстроилась помолвка. Воображаю, как тебе было тяжело!

Судя по улыбке Нелли, она уже вполне смирилась с потерей.

– Да, я даже заболела, – Настя решила поддержать невинную ложь, тем более, что правду все равно почти никто не знал. – Простудилась.

– Сочувствую от всего сердца! Зимой, в деревне, больная, да еще и в одиночестве! Зато теперь ты вернулась...

– Вернулась, да только не ради развлечений, – вздохнула Настя.

– Да, я смотрю, ты в трауре... Твоего мужа приговорили?

– Да, – Настя в первый раз посмотрела на свекровь. Со слов Елисея она знала приговор, вынесенный его брату, – к каторге и ссылке.

– Это ужасно! – вынесла вердикт гостья. – И что ты теперь

будешь делать?

Решительная минута настала. Настя выпрямилась.

– Фелициата Алексеевна, – сказала она, – может быть, прикажете подать горячего шоколада или кофию?

Княгиня милостиво кивнула головой.

Ни пить горячий шоколад, ни кофий, до которого была охотница ее свекровь, Насте не хотелось. Но ей нужна была эта пауза в разговоре.

Улучив миг, когда горничная отвлекла старую княгиню, подавая ей чашку шоколада, она сунула Нелли свернутое в трубочку письмо, шевельнула одними губами: «Передай!» – и сурово сдвинула брови, чтобы у подруги не возникло желания начать расспросы. Поняла ее Нелли или нет, но она быстро накрыла письмо ладонью.

Это было составленное на высочайшее имя прощение – Настя умоляла императора помочь ей узнать хоть что-нибудь о судьбе мужа и, если возможно, разрешить свидание. А может быть, и получить согласие на что-то большее. Последовать за ним, за Алексеем, туда, где он отныне будет жить – такое она еще несколько недель назад не могла и помыслить в страшном сне. Но с каждым часом с того мига, как она узнала о его приговоре, эта мысль крепла в ее голове. Много тут зависело от того, согласится ли император дать ей аудиенцию.

Посидев еще несколько минут и вывалив на Настю ворох свежих новостей, Нелли Шумилина засобиралась домой,

и отбыла, оставив молодую женщину терзаться от страха и неизвестности.

Миновало несколько дней. Как-то за завтраком Елисей бросил мимоходом, что на днях осужденных отправляют этапом за Камень. С невесткой он не разговаривал, обращался при этом к своему отцу, но Насте почудился предостерегающий взгляд, который бросил на нее свекор. С тех пор каждое утро верная Малаша отправлялась «за покупками» к Навьей башне. Она пропустила мимо две группы кандалников. Алексей Михайлович Варской был отправлен с третьей.

Это известие – Малаша видела Алексея, ей удалось передать весточку! – подкосило Настю сильнее, чем все дурные новости за последние недели. Алеша жив, он знает, что она была рядом все это время, что это не ее вина в том, что они не встретились до сих пор – и в то же время он покинул город, он идет с толпой кандалников в далекие земли, где ему суждено кануть, быть может, навсегда. А она остается здесь, хранить память о нем, ждать, тосковать и молиться... Как же тяжела сама мысль о разлуке! И чем занять эти невыносимо долгие годы?

Она еще пребывала в этом тягостном оцепенении, когда ей доложили о визите доктора Штерна. Благообразный низенький худенький старичок в старинном, вышедшем из моды лет эдак двадцать тому назад камзоле и в парике с косичкой, как носили еще при отце нынешнего императора,

неслышными шагами вошел в комнату, где вместе с приживалкой сидела Настя. Приживалке официально вменялось в обязанность подать воду или нюхательные соли, если барыне станет дурно. Настя не могла без отвращения смотреть на эту старую деву с длинным носом и затравленным взглядом бродячей кошки.

– Топрый день, сударыня, – приветствовал ее доктор Штерн.

– Добрый день, сударь, но я не звала доктора, – ответила Настя. – Если только моя свекровь, но она...

– Нет, я приехал по поручению иной шеловек, – старичок пытливо оглядел ее маленькими живыми глазками, в которых светилось участие. – Надо ше, какая молодая и красивая коспоша! И, должно быть, счастливая коспоша...

– Молодая – да, – Насте шел двадцать первый год. – Но вот счастливая ли... Мое счастье далеко.

– Не ф могиле – это главный! И фы фсе-таки счастливая коспоша, – стоял на своем доктор. – Фас так люпит фаш супруг...

– Алеша? – забыв про приживалку, Настя вскочила и бросилась к старичку-доктору, хватая его за руки. – Вы его видели? Когда? Где?

– В Грачином Гнезде, расумеется, – рассмеялся тот ее горячности, – да успокойтесь фы, сударыня! От большой радость тоже мошет быть беда! Фот, – в ее руки лег большой апельсин, – это он просил перетать фам!

Он намекал на ее положение, и Настя тут же уселась на диван, сжимая яркий плод в руках. Подумать только! Этой шершавой кожуры, может быть, касались руки ее мужа!

– Расскажите! Расскажите мне все! Вы его видели? Говорили с ним? Как он?

– О, сколько в фас огня, – покачал головой доктор. – Расумеется, я расскашу.

Он пустился в подробный рассказ, не упуская ни одной детали, как, наверное, говорил бы с коллегой, обсуждая интересный врачебный случай, когда нет места преступному и небрежному умолчанию о фактах и любых мелочах, способных пролить свет на загадочную и малоизученную болезнь. Настя слушала его, затаив дыхание и боясь лишний раз перебить, чтобы ее собеседник не потерял нить разговора, ловила и впитывала каждое слово.

– Фаш супруг так фас люпит...– закончил доктор Штерн. – Он только шалеть, что у него не быть для фас какой-нибудь подарок на память... Но он просить фас быть сильной, тфердой, не падать дух и поминать его ф молит-фах...

– Я молюсь за него каждое утро и вечер, – вздохнула Настя, – но легче мне не становится.

– Я бы прописать фам капли, если бы существовать лекарство от разлука, – доктор Штерн погладил молодую женщину по руке. – Но – увы! – нишем не могу помочь...

– Мне никто не может помочь, – Настя отвернулась, что-

бы скрыть слезы. – Я сижу в четырех стенах, меня даже в сад не выпускают прогуляться! Сторожат днем и ночью, – она покосилась на приживалку, которая, несомненно, слышала каждое слово и запоминала, чтобы доложить старой княгине. Но сейчас молодой женщине было все равно. Она вдру почувствовала злость, и эта злость придала ей сил. В конце концов, ей удалось убежать от бдительного ока матери. Неужели не получится сбежать второй раз?

– Я писала несколько раз, – продолжала она. – Но мои письма перехватывали. А если кто-то и писал мне самой, то я просто не получила ни одного послания. Я питаюсь только слухами и собственными домыслами. А между тем Алексей с каждой минутой от меня все дальше и дальше. Что мне делать, доктор?

– То, что фам подсказывает фаше сердце, – честно ответил тот.

– Мое сердце... – Настя усмехнулась. – Мое сердце, как я узнала несколько часов назад, бредет по дороге за Камень!

– Тогда фам надо следофать за ним!

– Вы думаете...

Замолчав, Настя снова отвернулась, уставившись за окно, на яркую летнюю зелень сада. Тоска, сжимавшая сердце, никуда не делась, но отступила перед забрезжившей вдалеке целью. Последовать за Алексеем... Она уже думала об этом, но теперь, услышав эти слова из уст маленького доктора, поняла, что в этом и есть единственный выход, что иначе она

просто не может поступить.

Доктор Штерн по появившейся между бровей морщинке сразу угадал, какие мысли вдруг овладели его собеседницей и стал прощаться. Настя проводила его до порога комнаты. Она что-то говорила, но взгляд ее был обращен вовнутрь, голос, жесты и даже, казалось, дыхание – все говорило об отчаянной решимости.

Глава 2.

Конечно, самому доктору Штерну этот визит сошел с рук – еще не хватало, связываться со старым врачом, к тому же действительно одним из лучших врачей столицы, на прием к которому приезжали из провинции. К его чудачествам давно уже привыкли. Иной человек давно бы сколотил себе состояние, но доктор Штерн почти половину гонораров тратил на благотворительность, покупал сладости для арестанток, игрушки для их детей, помогал попавшим в беду девицам, если надо, давая взятки, чтобы молодую мать с младенцем взяли на работу, чтобы она могла обеспечивать себя и ребенка. Ничего не было удивительного в том, что он решил принять такое участие в судьбе одного из осужденных.

Но для самой Насти эта встреча имела далеко идущие последствия. Не успела коляска доктора отъехать от ворот, как ее призвала свекровь и сурово отчитала за то, что невестка осмелилась действовать за ее спиной.

– Мне доложили, что ты кому-то писала, – начала Фелициата Алексеевна.

– Не «доложили», а «донесли», – ответила Настя, в душе которой произошел какой-то перелом. – Эта ваша приживалка... она шпионит за мной! Это низко! И мерзко!

– Да я пытаюсь защитить тебя! – воскликнула старая кня-

гиня.

– Как? Заперев в четырех стенах? Запретив всякие встречи с людьми? Право слово, вы обращаетесь со мной, как с арестанткой! Чем я, в таком случае, лучше Алексея? Он хотя бы знал, на что шел и знал, что в случае неудачи его постигнет кара. А я? Что такого совершила я, кроме того, что просто хотела знать, что с моим мужем? Я всего лишь хотела с ним увидеться, но вы не дали мне этого сделать! Я с ним даже издали не попрощалась. Мои приветы к нему тайком передавали чужие люди! Сначала моя собственная мать была моей тюремщицей, сообщая всем о моей мнимой болезни, а теперь вот вы! Какое преступление я совершила? И если естественное для жены желание быть рядом с мужем сейчас карается законом, то покажите мне этот закон! И устройте надо мной суд! И зачитайте мне приговор! Я тогда, по крайней мере, буду знать, что в наши дни верность и любовь – это преступление! И если за это преступление осуждают на каторгу – извольте, я готова!

Настю прорвало. То, что полгода копилось в ее душе, сейчас вылилось на свекровь. Старая княгиня съежилась в кресле, как впервые, глядя на свою невестку.

– Ты не в себе, – только и вымолвила она.

– Не в себе? Уж не хотите ли вы сказать, что я сошла с ума? – из груди рвался болезненный нервный смех. – Хорошо! Позовите еще раз доктора Штерна, созовите консилиум и пусть светила медицины решают, повредилась ли я рассу-

ком и как меня надо лечить. Но вы... По какому праву вы вмешиваетесь в мою жизнь?

– Я – твоя свекровь! Бабушка твоего будущего ребенка...

– *Моего* ребенка. А о своем собственном вы уже забыли?

– Алексей, – за весь месяц, что Настя прожила в семействе Варских, это имя всего второй раз слетело с уст ее свекрови, – Алексей сейчас далеко...

– Ближе, чем вы думаете. Он жив, он на этом свете. И не за тридевять земель.

– Он сослан на каторгу! Князь Варской – и на каторге! Ты это понимаешь?

– Да. Большого унижения придумать им было невозможно.

– Они знали, на что шли!

– Да. Знаю и я, – кивнула Настя.

– Что ты задумала? – Фелициата Алексеевна подалась вперед, хватаясь за подлокотники кресла. – Признавайся, а не то...

– Что? Посадите меня под замок, на хлеб и воду? – запальчиво возразила молодая женщина. – Отправите в смиренный дом? Прикажете арестовать? Мне все равно!

Вскинув подбородок, она вышла, едва сдержавшись, чтоб не хлопнуть дверь.

Эта вспышка имела последствия. Когда через два дня приехала ее мать, обе старшие женщины сначала долго шушукались о чем-то в покоях княгини Варской, а потом Насте

как бы между прочим сообщили, что в ближайшие дни, не дожидаясь родов, они собираются съездить к морю. Дескать, там этим летом соберется отличное общество. Более того, там будет кто-то из великих княжон, а всем известно, как император любит своих сестер, особенно младшую, Аполлинару. Вполне возможно даже похлопотать для Насти милостей при дворе. И мать, и свекровь так живописали ей все прелести путешествия к морю, что на какой-то миг молодая женщина им поверила. Смягчения приговора для Алексея она добиться не в состоянии, но, по крайней мере, может изменить собственную судьбу.

Тем временем начались сборы в дорогу. Выправляли паспорта, перетряхивали багаж, срочно шили новые платья для путешествия – в общество великих княжон не стоило показываться, в чем попало. Оба старшие княгини почти непрерывно что-то писали, но за самой Настей надзор не слабел ни на минуту.

И вот, когда уже был назначен день отъезда и накануне собирались вперед отправить подводу с вещами, на ее имя пришло письмо.

Доставил послание фельдъегерь императорской курьерской службы, когда все семейство собралось в столовой и за поздним завтраком оживленно обсуждало предстоящую поездку. В разговор включился даже Елисей, в подробностях расспрашивавший о том, какое там будет дамское общество. Особенно его интересовала некая Мими Тараканова, что тут

же послужило поводом для веселых двусмысленных намеков его маменьки. Княгиня Фелициата Алексеевна даже улыбалась и грозила «вертопраху» сыну пальцем – зачем, мол, так долго скрывал о том, что у него имеется дама сердца? Насте тяжело было присутствовать на этом семейном веселье. Все так живо обсуждали Мими Тараканову, как будто Елисей Варской уже собирался на днях сделать ей предложение. Будто Алексея Варского вовсе не существовало на белом свете!

В это время и явился фельдъегерь, сообщив, что у него послание для Анастасии Варской.

– Это я, – в наступившей тишине Настя медленно поднялась с места.

Фельдъегерь приблизился чеканным шагом и протянул ей запечатанный двуглавым орлом пакет.

– Его высочество светлейший князь Петр Ольденбургский желает дать вам аудиенцию двадцать шестого числа сего месяца в одиннадцать часов утра, – произнес он, отсалютовал и покинул комнату. Настя осталась стоять, глядя ему вслед. Конверт с императорской печатью жег ей руки, но не вскрывать же его в присутствии посторонних?

– Что это значит, Анастасия? – нарушил молчание голос ее матери.

– Сама не понимаю, – пробормотала она.

– Все ты понимаешь, – вступила ее свекровь. – Ты все-таки кому-то написала? Но как? Нелли Шумилина, так? Это

она?

Настя кивнула, сама не зная, зачем. Она действительно передавала подруге письмо, но адресованное на высочайшее имя. Его сиятельство князь Петр Ольденбургский никоим образом не был адресатом. Как так получилось, что ответил именно он?

– Ты хоть понимаешь, что наделала? – не отставала ее мать. – Ты знаешь, что это за человек?

– Да, мама, – откликнулась Настя, все еще пребывая во власти своих дум.

– «Да, мама!» – всплеснула руками та. – И она говорит так спокойно!

– А что мне еще делать? Если люди не хотят мне помочь, я готова попросить помощи у самого черта!

Обе княгини встрепенулись. Мать даже занесла руку, словно собираясь отвесить дочери пощечину, но сдержалась.

– Ты поедешь? – свекровь смотрела холодными глазами змеи.

Настя с усилием сломала печать, вскрыла конверт. На гербовой бумаге было начертано всего несколько слов: «Его сиятельство князь Петр Ольденбургский желает дать аудиенцию княгине Анастасии Варской в своем доме...» – и больше ничего, только дата и время.

– Ты поедешь? – снова прозвучал тот же вопрос.

– Да.

До самого последнего момента, до того, как подошел назначенный час, Настя не была уверена в том, что встреча состоится. Родная мать отказалась с нею разговаривать, свекровь тоже отмалчивалась. Мужская половина семейства ограничивалась дежурными фразами. Молодая женщина почти уверилась в том, что ей придется идти пешком или брать извозчика, но к назначенному часу у крыльца остановилась коляска.

Не без внутренней дрожи Настя пускалась в путь. Она не могла не заметить, как шлепает губами сопровождавшая ее приживалка – старая дева молилась про себя. И Малаша, выйдя провожать, тайком перекрестила свою барыню, а у ее собственной матери было какое-то странное выражение лица. И ничего не было в том удивительного, если учесть, *к кому* собиралась Анастасия Варская с визитом.

В другое время князь Петр Ольденбургский мог бы стать русским императором, если бы не обстоятельства его рождения. Единственный сын старшего сына прежнего императора, он появился на свет в результате мезальянса. Ради его матери старший из цесаревичей не только разорвал помолвку с галльской принцессой, но и отрекся от своих прав на престол в пользу младшего брата. Все говорили, что великий князь был околдован иноземкой, про которую ходили слухи, что она самая настоящая ведьма. Но цесаревичу все было нипочем. Он любил и был любимым. Более того, он венчался со своей супругой по католическому обряду и несколько

лет прожил вдали от родины. Петр Ольденбургский родился в Пруссии, и когда приехал на родину отца в двенадцать лет, ни знал ни слова на русском языке.

Смерть его матери заставила отца срочным порядком отправить единственного сына в Россию. Женщину обвинили в колдовстве и связи с Дьяволом. Состоялся суд, казнь – и лишь происхождение спасло жизнь ее сына, но муж не пожелал разлучаться с женой даже в смерти, и в этом, как ни странно, тоже видели злой умысел и черное колдовство. Ходили слухи, что великий князь покончил с собой, не в силах пережить жену.

Как бы то ни было, ни слова не говорящий по-русски подросток оказался в семье своего дяди. Схватывая все на лету, он за полгода выучил язык своей новой родины, принял православие, но не прошло и трех лет, как про юного князя поползли нехорошие слухи. Дескать, он умеет делать то, что не под силу обычному человеку. К тому времени, когда Петру исполнилось восемнадцать лет, слухи эти обрели под ногами твердую почву, и реальность оказалась страшнее вымысла.

Князь Петр Ольденбургский был колдуном.

Несколько лет назад он поселился на окраине города, совсем рядом с Грачами – трущобами, почти полностью заселенными городской беднотой. Перестроил стоявший посреди пустыря старый особняк и зажил там почти в полном одиночестве. Лишь изредка князь Петр покидал свое жилище, но от участия в жизни семьи не отказывался. Бывал он иной

раз в свете, видали его при дворе. Роковой красавец, он все еще не был женат, и на его счету числилось столько разбитых женских сердец, что тут поневоле задумаешься о волшебной силе, которой якобы обладал один из членов императорской фамилии. Про него говорили всякое – и что он в подвалах своего дворца служит черную мессу, и что он занят изготовлением философского камня и даже якобы его поиски уже увенчались успехом, и что во дворце у него нет ни одного обычного, живого слуги, но только гомункулы, оживленные его колдовством. И что он даже умеет путешествовать в пространстве и времени, проникая в прошлое и будущее по своему усмотрению. И будто бы сам знаменитый граф Калиостро, путешествуя по Русской империи, не раз и не два говорил, что встречал его в прошлом, когда Петр Ольденбургский совершал свои путешествия во времени.

И к этому человеку сейчас ехала Настя.

Сжав на коленях руки, затаив дыхание, она остановившимся взором смотрела в окошко кареты на проплывавшие мимо дома. Рядом беззвучно молилась приживалка, часто-часто крестясь всякий раз, как видела маковку церкви. Настя же не могла заставить себя лишней раз сложить пальцы щепотью, за что заслужила не один и не два осуждающих взгляда. Ну и пусть потом вредная баба доложит свекрови о том, что ее невестка выказывает преступное неблагочестие! Она едет к колдуну. Этого достаточно, и показательным смирением тут ничего не поправишь.

Миновав центральные улицы, карета свернула на окраину. Пересекли площадь у Храма Зачатия Анны, проехали до конца Зачатьевскую улицу, свернули в Козлов переулок, и по обе стороны пошли деревянные одноэтажные дома городской окраины. Каждый был окружен садом, огорожен забором.

Дорогу пересек узкий переулочек, за которым открылся неухоженный парк. Буйно разрослась трава, у ограды стеной вставал бурьян и крапива, в глубине стояло несколько развесистых яблонь и росли какие-то кусты. Похоже было, что тут когда-то стоял чей-то дом, но его сломали, или же сам сгорел, и эти яблони и кусты – все, что осталось от его сада. Проехали еще чуть – и открылся особняк с островерхой, как у католического костела, крышей.

– Господи, спаси и помилуй! – воскликнула приживалка. – Вот уж гнездо Антихристово.

Настя поморщилась. С виду дом не производил отталкивающего впечатления. Ну и что, что ни сада, ни парка при нем не было – вместо него было что-то вроде пустыря, который начали было облагораживать, да бросили на полпути. За забором тут и там, как попало, поодиночке и по двое-трое росли старые яблони, торчали кусты, буйно разрослись травы. Ни гравийных дорожек, ни скамеек, ни лужаек, ни цветника, ни статуй у фонтанов – только широкая подъездная аллея и несколько протоптанных дорожек.

По аллее к распахнутым воротам катила глухая карета

без гербов. Кучер придержал лошадей, пропуская выезжающих. Настя невольно проводила карету взглядом – а что, если Петр Ольденбургский только что уехал по делам, и забыл про назначенное свидание? Что-то подсказывало молодой женщине, что ее мать и свекровь будут только рады этому обстоятельству. А ее спутница, кажется, уже домыслила это и улыбается с облегчением – миновала встреча с колдуном!

Но все же справиться о хозяине и доложить о себе было надо, и Настя подала знак кучеру двигаться дальше.

На крыльце стоял ливрейный лакей в черной с белым и золотым кантом ливрее – то ли заранее встречал гостью, то ли еще провожал отъехавшую карету. Он с поклоном подал Насте руку, помогая выбраться из кареты и подняться по широким мраморным ступеням парадного крыльца.

– Меня зовут Анастасия Варская, – отрекомендовалась молодая женщина, переступив порог. – Его сиятельство назначал мне встречу...

– Прошу немного обождать, – кивнул лакей.

Настя огляделась, испытывая одновременно любопытство и облегчение от того, что встреча откладывается. Насколько парк выглядел запущенным и неухоженным, настолько внутренняя отделка дома говорила о довольстве и достатке. Натертый до блеска паркет, белоснежные колонны, поддерживающие украшенный лепниной потолок, широкая крытая ковром лестница, ведущая наверх, позолоченные подсвечни-

ки на стенах, зеркала, тяжелые бархатные портьеры. Не императорский дворец, но все равно красиво.

– Его сиятельство князь Петр Ольденбургский ожидает вас, – возвестил появившийся лакей. – Прошу!

Настя шагнула к лестнице, и, уже поставив ногу на нижнюю ступеньку, услышала за спиной:

– А вас прошу задержаться здесь.

Лакей остановил приживалку, оставив ее в передней. Настя улыбнулась, хотя улыбка тотчас погасла. Наедине с князем-колдуном... Что может быть хуже? Да все, что угодно! Не съест же он ее, в конце концов!

Второй лакей ждал наверху лестницы и проводил гостью в просторную комнату, заставленную шкапами с книгами. Возле окон стояли два стола и несколько кресел. Здесь была теневая сторона, и из-за этого, а также темных шпалер и темной мебели казалось, что тут царит полумрак. В воздухе витал еле уловимый запах книжной пыли, бумаги и... ладана? Вот уж странно, если учесть, кем считали хозяина здешних мест!

Он стоял у окна, нянча в руке стеклянный бокал, до половины наполненный темной жидкостью, и проворно обернулся навстречу вошедшей женщине.

– Сударыня?

Настя остановилась, рассматривая хозяина дома. Доселе она не имела чести быть знакомой с князем Петром, и невольно задержала на нем взгляд. Спору нет, мужчина пе-

ред нею был еще молод, едва ли старше тридцати лет, подтянут по-военному, и одет со вкусом, но вот красавцем он не был. Здесь молва явно преувеличила. Впрочем, и уродом его назвать не поворачивался язык. Было что-то притягательное в его темных глазах, породистом носе, сардонически изогнутых губах. Он рассматривал гостью с тем же любопытством, что и она его, и Настя, заметив это, первая смутилась, отводя взгляд.

– Ваше сиятельство...

– Сударыня, – повторил он. – Какая честь! Так вот вы какая...

– Благодарю вас, что вы пригласили меня, – промолвила молодая женщина, склоняя голову под его пристальным пронизывающим взглядом. Где-то в другом месте и в другое время столь прямой взгляд на чужую жену мог явиться поводом для дуэли.

– Присаживайтесь, – он указал на одно из кресел. – Разрешите угостить вас. Что вы предпочитаете? Кофий? Чай? Горячий шоколад?

– Спасибо, не надо.

– Отказываетесь от угощения? – князь Петр подался вперед. – Вы меня боитесь?

– Ничуть, – встrepенулась Настя. Она вдруг вспомнила, что это приглашение могло быть сделано не просто так.

– Боитесь... Впрочем, все равно благодарю вас, что вы оказали мне честь и откликнулись на мое приглашение, – в

тон ответил князь Петр. – Особенно если учесть, от кого оно исходило.

Настя поняла, на что он намекает, и вскинула подбородок:

– Я не из тех женщин, которые доверяют глупым слухам!

– Сильно сказано, княгиня, но это не слухи, – он со стуком поставил недопитый бокал на стол. – Это правда.

– Вы...

– Да, я именно тот, о ком вы подумали. Все те слухи и сплетни, которые обо мне распускают кумушки столицы – правдивы. Но, сказать по правде, меня это нимало не беспокоит. Наоборот, я чувствую своеобразное удовольствие в том, чтобы слегка пугать обывателей. Вот, например, этот парк, – он жестом указал на окно. – Думаете, моих скромных доходов не хватает на то, чтобы превратить эти заросли в нечто пристойное, подходящее особы императорских кровей? Достаточно будет одного года, чтобы полностью преобразить сей уголок. Но беда в том, что мне нравится природа в своем естественном виде. Я предоставляю деревьям, кустам и траве расти так, как им больше хочется. Единственное, что я собираюсь изменить, это во-он в той низине сделать пруд. Все равно там скапливаются талые воды.

Настя подавила вздох. Ей были не интересны рассуждения о парках и садах. Зачем ее позвал князь Петр? Ведь не для того же, чтобы поделиться своими мыслями по поводу благоустройства земли?

– Я вас понимаю, – оборвал сам себя ее собеседник. – Ко-

гда вами владеет одна мысль, все душевные силы брошены только на ее осуществление, и все, что идет вразрез, кажется досадной помехой. Не так ли?

– Вы правы, ваша светлость, – пробормотала Настя. – Но могу я узнать, зачем вы пригласили меня?

Князь Петр склонил голову набок.

– Мне было интересно на вас посмотреть!

– Что? – Насте показалось, что она ослышалась.

– Именно так. Посмотреть на одну из тех женщин, которые непрерывно осаждают императора всякими просьбами, действуя с упорством, достойным лучшего применения!

Не обращая внимания на смущение госты, хозяин дома перебрал кое-какие бумаги на столе и поднял один листок:

– Это ваше письмо, сударыня?

Он держал его так, что обознаться Настя не могла:

– Да, я... просила его величество о чести принять меня...

– И вам было отказано.

Сказано это было будничным тоном, словно сообщение о том, что с утра пасмурная погода, но у Насти болезненно сжалось сердце. Она сцепила пальцы, сдерживаясь, чтобы не показать своего разочарования.

– Да присядьте, наконец! – послышался повелительный голос. – И постарайтесь успокоиться. На вас лица нет!

Молодая женщина оказалась в жестком кресле с прямой спинкой, с трудом перевела дыхание. Уж если ей отказал сам император, что это могло значить? Ничего хорошего.

– Мой августейший родственник очень зол на вашего супруга и остальных членов Тайного общества, – продолжал князь Петр. – И его трудно не понять – ведь его хотели убить. Но, по счастью, у вас есть я.

– В-вы?

– Да, я. Вы удивлены тем, что мне вздумалось принять участие в судьбе вашего супруга? А между тем, единственным, кто мог бы как-то повлиять и на следствие, и на суд, и на приговор, был именно я. И я пригласил вас сюда для того, чтобы протянуть руку помощи.

Он мягко улыбнулся. Эта улыбка неожиданно полностью изменила лицо князя. Петр Ольденбургский преобразился, и даже глаза, казалось, изменили цвет – из темных, почти черных, превратились в зеленые, как трава. Вот таким, улыбающимся, он действительно был красив.

– Но почему?

– Видите ли, княгиня, я волей-неволей оказался в том же положении, что заговорщики, разве что доказать мое прямое участие в подготовке восстания никому не удалось. Но Третье Отделение считает иначе. Инквизиторы не оставляют попыток доказать мою причастность ко всем известным событиям. Благодаря моему происхождению я слишком для многих кажусь более, чем вероятным кандидатом на императорский венец. В случае, если бы мятеж удался и император с семьей были бы убиты, кому, как вы думаете, заговорщики предложили бы корону? Не потому ли того, кто наплевал на

традиции, устои, саму честь рода, отрекшись от славы, власти, даже богатства ради любви и тихого семейного счастья? Кроме того, не стоит забывать и о праве первородства. Оно было у моего отца, и его в полной мере мог унаследовать я. Кроме того, кому, как не колдуну и чернокнижнику пришла бы в голову дерзкая мысль поднять руку на помазанника Божия? Естественно, что совершить сие гнусное деяние он собирался чужими руками! И естественно, что он постарался замести все следы, с помощью колдовства стерев всякую память о собственном участии в заговоре!

– Неужели это правда? – невольно вырвалось у Насти.

– Нет, конечно! – князь Петр больше не улыбался, лишь глаза еще сверкали огнем. – Но в Особом отделе Третьего Отделения мне не верят! Вы знаете, кто там заседает? – он сделал паузу, по движению губ молодой женщины прочитав ответ. – Да, инквизиторы. И ведьмаки с ними заодно. Вы знаете, кто такие ведьмаки? О, они почище инквизиторов! Те только карают ведьм и колдунов, преступивших закон, а ведьмаки надзирают за ними, следят, вычисляют, вербуют в свои ряды и пытаются поставить одаренных юношей на службу государству. Это страшные люди, ведьмаки. И их начальник, его светлость князь Юлиан Дич, самый страшный из них. Он сам и его так называемая Школа с легкостью переступят через любого... Вы знаете, что в числе заговорщиков были три ведьмака? И они сумели отспорить только одного из них. Его имени нет в материалах Особой Комиссии,

а если кому-то и случалось называть его, оное изымали из протоколов. Имя предателя и провокатора, одного из тех, кого засылали, чтобы он выяснил планы заговорщиков – и первым примчался с доносом на своих товарищей.

– Это... мерзко.

– Согласен! – кивнул князь Петр. – Тем более, что двумя другими его собратьями по Силе их начальство с легкостью пожертвовало. Один, насколько мне известно, покончил с собой в камере еще до суда. Другого приговорили к каторге наравне с вашим супругом и остальными заговорщиками. Ведьмаки с легкостью перешагнули через этих двоих, тем более, что они до сих пор не оставили попыток доказать мою причастность к восстанию. Только перед тем, как принять вас, я имел очередную весьма неприятную беседу... назвал бы ее допросом, если бы она не происходила в неформальной обстановке... с кем бы вы думали? С тем самым Юлианом Дичем! Вы должны были столкнуться с его каретой на выезде.

Настя кивнула, вспомнив наглухо закрытую черную карету без гербов и опознавательных знаков.

– Ведьмаки и инквизиторы все еще не сложили оружия, уверенные, что смогут доказать мою причастность к восстанию. Ибо черному колдуну, каковым я, на самом деле, являюсь, ничего не стоит снова сколотить себе армию верных сторонников и опять кинуть их в бой. Люди – пешки, пушечное мясо, разменная монета, когда дело касается борьбы за

престол... Проблема в том, что лично мне *этот* престол совершенно не нужен. Заниматься наукой мне нравится гораздо больше, чем управлять страной. На *этом* поприще у меня большие планы. Вы все еще меня боитесь?

– Н-нет, – промолвила Настя и покраснела.

– Боитесь, – кивнул князь Петр. – Колдовства боятся все. Колдуну под силу подчинить себе душу человека, лишитъ его не только воли, но и разума и даже, хотя это и невероятно трудно, собственного тела. Но все забывают, что колдовство – это наука, чистое знание. И нет черного или белого колдовства, есть лишь те, кто использует его во благо или во зло. Одним и тем же заклинанием можно наслать смертельную болезнь – и исцелить безнадежно больного. Все зависит от желания того, кто произносит заклинание. Сейчас я испытываю сильное желание помочь вам.

– Мне? – сидевшая со склоненной головой Настя подняла голову. – Но чем?

– Все зависит от того, чего вы сами хотите. Облегчить участь вашего супруга? Помочь вам встретиться с ним? Выбирайте!

– Я хочу, – у молодой женщины закружилась голова. – Я хочу спасти Алексея!

– От каторги?

Откинувшись на спинку кресла, Петр Ольденбургский закрыл глаза, и в комнате словно сгустились вечерние тени. Глубокая морщинка залегла между его бровями, губы

несколько раз дернулись. Под сомкнутыми веками несколько раз туда-сюда метнулись глазные яблоки. Настя затаила дыхание.

– Ваше желание, – глубоким, каким-то чужим голосом, наконец произнес колдун, – выполнить невозможно...

У нее упало сердце.

– ... в том виде, в каком вы его себе представляете, – продолжал он. – Можно проникнуть в прошлое и попытаться его изменить, но любые перемены в прошлом влекут такие же перемены в настоящем. Увы, прошлое неизменно. Те, кто пустились в путь, достигнут цели, ибо таков рок. Но будущее – оно полностью в вашей власти. Дайте руку!

Настя повиновалась, привстав с кресла. Прохладные пальцы князя Петра скользнули по линиям ее ладони.

– У вас впереди долгий путь. Вы уже стоите на пороге. Вас ничто не остановит. Вам суждено достигнуть цели. Если же, – он открыл глаза и посмотрел на молодую женщину снизу вверх, – если же вам встретится непреодолимое препятствие, вы вправе обратиться ко мне.

– Препятствие есть, – пробормотала Настя, пораженная происходящим.

– Его не будет, – князь Петр встал, все еще держа ее за руку. – Как только вы решите действовать, оно исчезнет. Только вы должны четко представлять себе, чего вы хотите. И ничего не бойтесь! Вы на верном пути.

Домой Настя возвращалась пусть не окрыленная, но

странно спокойная. Она приняла решение. Осталось лишь претворить его в жизнь.

Всю весну и часть лета, с тех пор, как стаяли снега и схлынуло половодье, в шахтах не прекращался странный перестук. Не только горняки, но и сторожа слышали дробный перестук крошечных молоточков, а иной раз и тихий шорох осыпающейся горной породы. «Стуканцы пошаливают!» – шептались люди. Горняки крестились, шептали молитвы – ничего не помогало. При первых звуках «Отче, наш» топоток и шум прекращались, но через некоторое время возобновлялись снова, порой еще громче, чем раньше.

Все попытки людей обратиться к хозяину за помощью не находили отклика.

– Стук да топот вам мешают? – отвечал Сысой Псоич. – А вы к Рудничному пошлите кого-нито. Пущай с него самого тишины и стребует, раз такое дело!

Но одно дело – так говорить, а совсем другое – оказаться выбранной жертвой. И без того ходившие по краю, люди боялись переступить через ту последнюю грань. Тут какая-никакая, а жизнь. А у Рудничного что?

В забое темно, душно. Пахнет рудной пылью, потом, ржавым железом, камнем, старым тряпьем. Двое напарников, Федька да Ерёмка, работали сменно – в узком проходе не развернуться. Покуда один махал кайлом, другой отгаскивал нарытую руду, сгребал в кучи. За нею с тачкой прибежал Ми-

ха по прозванию Косой – один глаз у него затянуло бельмом еще в давние годы. Гремя кандалами, грузил тачку, отволакивал прочь, ворочаясь в скором времени. Стоял над душой стражник с кнутом. Еще один – чуть поодаль. Бунтовать никто особо не пробовал – ну перебеешь стражу, а дальше чего? Наверху солдаты дежурят, вылезти не дадут. Так и оставят внизу, а сами тем временем хозяина позовут. А уж коли явится сам Сысой Псоич – так и вовсе пиши пропало.

В груди в последнее время часто болело, и Федька остановился, опираясь на кайло и жадно хватая ртом спертый воздух. Фитилек в плошке чадил, горел плохо, не разгоняя, а лишь подчеркивая мрак. Воняло жиром, а все же такой огонек лучше, чем полная тьма.

– Ты чего? – хриплым голосом окликнул его Ерёмка. – Аль срок вышел?

– Погодь, – Федька вскинул руку. – Слышь? Чего это там?

– Где?

Оба уставились во мрак.

– Ничего не вижу, – мотнул вихрами Ерёмка.

– Да ты не гляди, ты слухай!

– Будто я стуканцев не наслушалси, – отмахнулся напарник. – Коль невмочь, так меня пусти, а сам сгребай!

– Не стуканцы это, – Федька сделал шаг в сторону, освобождая напарнику место.

– А кто ж? Не сам ли Рудничный пожаловал?

– Да типун тебе на язык! – ругнулся мужик. – Рудничный

– он вроде как шипит. А этот...

Разговор был услышан. Стражник, дородный Митюха, достававший макушкой то самого потолка, шагнул к ним, щелкнув кнутом:

– А ну, морды каторжные, за работу! Батогов захотели?

Федька и Ерёмка вместе схватились за кайла, вместе, чуть не толкаясь плечами, протиснулись вперед, заработали, мешая друг другу – не столько из страха, сколько чтобы отвязался Митюха. Тот больно любил пороть. Сколько раз бывало, что подменял он здешнего ката, сам хлестая народишко и гордился, что с оттягом может распороть кожу до кости. Кнутом владел – что твой цыган. Да и работа – какая-никакая, а все давала возможность отвлечься от того непонятного и поэтому жуткого, что примерещилось Федьке в темноте подземелья.

Для острастки щелкнув кнутом пару раз, Митюха отошел в сторонку, и только собрался прикрикнуть на тащившего пустую тачку Миху Косого, как услышал странные звуки. Будто бежал кто-то. Оглянувшись, Митюха увидел, как под свет лампы откуда-то выкатился беленький щенок. Толстые кривые лапки, хвостик морковкой, черная пуговка носа на курносой мордочке, торчащие ушки. Поджав хвостик, щенок пугливо метнулся в сторону, спасаясь от мчащейся на него тачки Михи.

– А, чтоб тебя...! Сученыш, – озлился на него каторжанин. – Пшёл вон!

Щенок увернулся от пинка, заскулил – то ли с перепугу, то ли ушиб лапку.

– *Пиёл вон!* – послышался тонкий голосок.

– Чур меня! Чур! – попятился Миха Косой.

– Давай, поворачивайся! – крикнул ему Митюха. – Чего встал?

И тут он заметил щенка. От неожиданности у него чуть кнут не выпал из руки. Щеночек был беленький, чистенький, гладкий, словно только что оторвался от мамки, а не бегал в забое среди грязи и земляной пыли. Лишь лапки внизу слегка испачкались.

– Ты откуда такой взялся?

Щенок заскулил.

– Ну-ка, ну-ка, подь сюды... Куть-куть-куть! – протянул руку, сложив пальцы щепотью, зачмокал губами.

– Не трожь, – неожиданно вступился Федька. – Мое!

Щенок шархнулся в сторону, поджимая хвостик.

– Пошел вон! – рывкнул Митюха. Свистнул кнут, обжигая горняка по груди. Федька задохнулся, отворачиваясь. Запоздало пришел страх – а ну, как попало бы по глазам?

– Да ты чего? Чего? – забормотал он, отворачиваясь.

– А того! Мое! Не дам! Запорю!

Горняки попятнулись, спасаясь от кнута, забились в дальний угол. Ерёма цеплялся за Федьку одной рукой, мелко крестясь. Тот сжимал в ладони кайло, готовый пустить его в ход. Спасала осторожность и предчувствие опасности.

Отогнав горняков, Митюха огляделся. Куда провалился треклятый сучёныш?

– Куть-куть-куть... Ты где?

– *Куть-куть-куть! Ты где?* – раздалось в ответ.

Беленькая мордочка показалась среди камней. Нос был выпачкан в рудной пыли, словно щенок прикрывал голову грязными лапами. Увидев зверька, Митюха мигом подобрел, присел чуток, зачмокал губами.

– Куть-куть... Поди сюда, псеньш!

– *Псеньши!*

– Ну, чудно дело! – покрутил головой Митюха. – Куть-куть-куть, – забыв про работу, он стал осторожно приближаться к щенку. Тот попятился, сверкая глазками. Не пытаюсь вмешаться, горняки наблюдали со стороны.

– *Куть-куть-куть...* – дразнился щенок.

– Подь сюда, кому говорю!

Митюха кинулся на щенка, но тот ловко увернулся, загребая толстыми лапками с удивительным проворством. Стражник споткнулся о камень, чуть не пропахал землю носом.

– Ах, ты! Вот я тебя! Будешь бегать... Куть-куть-куть...

Щенок метнулся в боковой проход.

– *Куть-куть-куть...* – донеслось оттуда.

– Куда? А ну, где ты прячешься? – Митюха поспешил следом.

Белый хвостик крючком мелькнул среди камней. Щенок улепетывал со всех ног.

– Куда? Ко мне! – стражник бегом кинулся следом. Но маленький зверек уже скрылся в туннеле, метнувшись под ноги горнякам. Недолго думая, Ерёма пнул щенка ногой:

– Пошел!

Белый комочек с отчаянным визгом отлетел прочь и с размаху ударился об стену. Отчаянный визг оборвался мгновенно.

Все произошло так быстро, что подбежавший Митюха не успел затормозить и чуть не споткнулся о трупик.

– Ты чего? Чего? Ты... – бешено выкатив глаза, он схватился за кнут. – Запорю!

Ерёма попятился, а работавший в свой черед кайлом Федька остановился:

– Твой что ли, был?

– Какой мой! – Митюху всего трясло. – То ж клад был! Сам мне в руки давался! А ты его... Запорю!

Он замахнулся кнутом.

В тесноте удар вышел слабым, но Ерёма все равно перепугался. Все знали о мстительности Митюхи – коли ему сейчас же не дали выместить на ком-нибудь зло или досаду, он подождет удобного момента и тогда отыграется сполна – и за то, что долго пришлось ждать, добавит тоже.

– Да я ж не знал... Да я ж того... – забормотал Ерёма. Его самого грызла досада и одновременно злорадство – и то, что он сам упустил клад, и то, что он в конце концов не достался Митюхе. За такое можно было перетерпеть побои. Хотя, ес-

ли дело дойдет до Сысоя Псоича, не миновать беды. Хозяин Невейского рудника был жаден до всякого золота и серебра, мог три шкуры содрать не только с горняка, но и со стражника – просто на всякий случай, чтоб другим было не повадно укрывать от него богатства.

– Погодь, – голос Федьки вернул всех с небес на грешную землю – а чего там блестит-то?

Тельце щенка отлетело к камням. И Ерёма, и Митюха ненадолго выпустили его из вида, а после возгласа Федьки посмотрели опять и хором ахнули. На том месте лежал крупный, с кулак, тускло поблескивающий камень.

– Мое! На замай! – Митюха первым заграбастал находку. – Кажись, серебро!

Ерёма двинулся было к нему, да его неожиданно удержал Федька:

– Не спеши!

Ерёма понял, остановившись и тяжело переводя дух. Только пальцы побелели, сжимая рукоять кайла, да в глазах разгорался злой огонь. Видя и правильно понимая этот взгляд, Митюха попятился, одной рукой прижимая к себе находку, а другой грозы кнутом:

– Мое! А вы – работать, варнаки*!

(*Варнаки – здесь употреблено как синоним слова «недочеловек», «нелюдь».)

Федька первым вгрызся кайлом в породу. Подкативший тележку Миха Косой метнул на горняков взгляд – чего, мол,

стряслось.

– Серебро Митюха забрал, – сквозь зубы процедил Ерёма. – С кулак был кусок! Да такой куш...

– Радуйся, что мимо беда прошла, – разлепил губы Федька. – Нешто не понимаешь, каковский это был клад? Не добрые люди зарыли, а черти, небось, подманивали душу человеческую! Вот Митюха и попался им на зубок! Гореть ему теперича...

– Черти, – Ерёма в свой черед включился, наконец, в работу, – у нас тут свой Ад. Небось, почище того...

– Работать, варнаки! – донесся злой окрик.

– И Сатана свой имеется, – выдохнул согласно Миха Косой.

– А все одно, – Федька работал, как ни в чем не бывало, – не принесло бы то серебро нам ничего, кроме батогов. А так – хоть спины целы.

И пусть была в словах напарника своя правда, Ерёма потом несколько дней нет-нет, да и посматривал по сторонам. Не мелькнет ли где еще какой зверек? Но, кроме вездесущих крыс, никого не высмотрел.

Дармовое серебро вскружило Митюхе голову. Не говоря ничего Сысою Псоичу, он тайком от хозяина вздумал добыть еще дорогого металла. Люто взъелся он на Федьку с Ерёмой, уверенный в том, что часть серебра они утаили, пошарив потом в том месте, где упал подбитый щенок. Может, нарочно

они его пристукнули, чтоб с ним не делиться и кинули кусок, как подачку псу. Стражник как насел на тех двоих, так и не отпускал, ежедневно придираясь и чуть ли не в рот лазая и заставляя нужду справлять отдельно от прочих, а потом еще и пальцами ковыряться – не проглотили ли куски серебра, надумав вынести его из забоя?

День, два – а потом как-то раз задержал он обоих мужиков на руднике, когда все поднимались наверх для отдыха.

– Не про вас сия честь, – противоречить Митюхе не было возможности. – В забой ворочайтесь!

– Это за что же? – прищурился Федька.

– За то! Серебро искать будете! Место укажу. И пока не сыщете – ни сна, ни отдыха.

Совсем разум потерял стражник. Взяв лампу, погнал горняков опять на работу.

– Копай, варнаки! Один рубит, другой пустую породу оттаскивает. Потом смена! Пошел!

Ерёма взмахнул кайлом. Натруженные за день руки и плечи ныли. Поясницу ломило, как у столетнего деда к дождю. Ноги подрагивали, а в брюхе ворчал. В отрочестве и ранней юности, случалось, уставал в страду в родном селе так, что света белого не видишь, а все ж тут не в пример тяжелее. И любая крестьянская страда рано или поздно заканчивается. Даже когда сперва на барщине, а потом и у себя работали. Четыре дня на барина, три – на себя. Да сверхурочные дела – то дрова вози, то пруд копай, и все в те три дня. А все

же было легче! И какой лихой бес дернул его бежать от помещика? Думал, тяжело? А здесь легко? Вышел указ – всех беглых ловить и на рудники ссылать. А другой раз побежит – батогами бить и, как каторжным, волоса брить. Барин-то, небось, не таким самодуром был, над мужиками так не изгалялся. И была б у Ерёмы сейчас жена... а может, и дитё... Эх, знать бы заранее!

– Живей! Чего уснул, лодырь? – удар кнута пришелся пониже спины. – Скорей серебра нарубите – скорей отдыхать пойдете!

– Да тут не пойдешь – тут ляжешь, – буркнул Ерёма.

– Ась? Чего? Запорю!

Митюха привычно кинулся вперед с кнутом, но горняк вместо того, чтобы привычно склониться, закрываясь от побоев руками, вдруг остолбенел, хлопая глазами и бледнея так, что даже привычный ко всему стражник удержал руку.

– Ты чего? Чего?

Но и Федька вдруг тоже встал, как вкопанный, разжимая руки. Потеряв опору, тачка опрокинулась, высыпалась отработанная руда. Один камень угодил горняку по ноге, но тот не пошевелился.

– Ась? Вы чего? Чего удумали? – почувал неладное Митюха. – Бунтовать? Вот я вас! Запорю!

Но мужики не замечали его, обратившись в зрение и слух. Попятились, прижимаясь к стене. Ерёма крепче перехватил кайло. Но его лицу каплями катился пот.

– А? Чего? – допытывался Митюха.

И услышал. И сперва не поверил своим ушам.

Где-то рядом пересыпался песок. Тихой струйкой он шуршал по камням, но не ровно, а волнами, словно в такт чьим-то шагам. И к его мерному тихому шороху постепенно стал добавляться, становясь все сильнее и слышнее, другой звук – сухой скрежет трущихся друг о друга чешуек. Вот что-то царапнуло о камень. Вот послышался тихий грохот, словно обрушилась башенка, возведенная играющими детьми из камешков. Опять шорох и шуршание... шипение...

– С нами крест-тная сила, – запнувшись, выдохнул Федька, торопливо осеняя себя крестным знамением. – Чур меня! Чур!

– Это чего? Чего? – Митюха озирался по сторонам, но отыскать источник звука или хотя бы определить, откуда он идет, было невозможно.

– Он это... Рудничный, – непослушными губами выговорил Федька. – По наши душеньки пришел...

– Уходить надоть! – вскрикнул Ерёма. – Сгибнем все!

Шуршание стало громче, на сей раз под ногами горняков. Посмотрев, все трое вскрикнули – струйка песка сочилась из стены, из неприметной щели. Одна, потом рядом пробилась другая, третья... По сравнению с камнями песок казался совершенно белым и отсвечивал при свете лампы розоватым светом.

– Это чего? Серебро? – Митюха наклонился, подставил

ладонь под белую струйку. – Братцы, серебро! Чур, мое!

– Какое «твое»? Уходить надо! – сорвался с места Федька.

– Ты и иди, – Митюха рухнул на колени, загребая песок горстями и ссыпая за пазуху. Тот побежал вдвое быстрее, как вода, промывая постепенно плотину. – Ого! Сколько тут! То-то Сысой Псоич...

Горняки попятились. Ерёма смотрел на серебряный песок заморожено, Федька – с суеверным ужасом. Митюха не замечал, что уже ноги его засыпало полностью. Он все загребал и загребал песок горстями, и рубаха над поясом вздулась, как у беременной бабы. Ткань трещала по швам, а он все черпал и черпал...

– Ноги уносить надо, – шепнул Федька.

– Погодь, дай ухватить хоть горсточку! – Ерёма наклонился, набрал серебряного песка, сколько влезло в кулак.

– Отдай! – Митюха угадал, развернулся, все еще стоя на коленях и обратив на мужиков безумные глаза. – Мое! Запорю!

Но кнут давно уже покоился под серебряными россыпями, а при попытке встать стражник понял, что не может сдвинуться с места. Слишком тяжело оказалось серебро за пазухой, слишком большая тяжесть лежала на ногах. А «песок» все сочился и сочился. Горняки пятились, отступая перед его натиском, а Митюху уже засыпало до бедер.

– Эй, мужики! – слегка опамятовал он. – Подмогните малость! Ну, хоть кайло-то протяните! Вытащите – с вами по-

делюсь! Мужики! Не то хуже будет!

Он рванулся, пытаясь хотя бы развернуться навстречу, но песок уже добирался до пояса. Федька с Ерёмой отступали шаг за шагом, дивясь и тому, что в забое не становится темнее. И было, с чего – серебряный песок светился сам по себе. В его мертвенном бледном свете искаженное гневом и страхом лицо Митюхи казалось жуткой личиной подземного чудища.

– Мужики! – заорал он, убедившись, что без посторонней помощи уже и не пошевелиться. – Спасайте!

За его спиной там, откуда уже из десятка щелей сочился серебряный песок, послышался глухой удар и треск ломающегося камня.

– Мужики!

И они побежали. Толкаясь, сломя голову, роняя инструменты, не разбирая дороги, прочь во тьму подальше от жуткого серебряного сияния и летящего им вслед уже не крика, а отчаянного хрипа Митюхи. Спешили, натываясь на стены, пытаясь найти дорогу к шахте подъемника...

И на полном ходу врезались в стену, опомнившись.

Тьма окутала напарников. Тяжелая тьма, полная едкого запаха камня, пыли, сырости, эха далеких затихающих шорохов и собственных стонов – с разгону врезавшись, Федька разбил нос, а Ерёма – кулак.

– Это где ж мы? – унимая двумя пальцами кровь, простонал Федька.

– Заплутали. Вот же черт! – выругался Ерёма.

– Не поминай!

– Да я серебро просыпал, когда кулаком в стену попал, – Ерёма рухнул на колени, шаря по камням. – Вот ищи его теперь...

– Ты *того самого* серебра схватил?

– Ага! Нечего добру-то пропадать! А чего?

– Митюха тоже так рассудил. И где теперь Митюха? А? Кидай свое серебро – самим бы ноги унести!

Не без сожаления Ерёма присоединился к товарищу. Смутно понимал горняк, что тот прав. Выбраться бы на белый свет, а там давай бог ноги с проклятого завода. Вернуться бы в родную деревеньку! Или сыскать где тихий уголок да зажить мирной жизнью, растить хлеб, ходить за скотиной, рыбачить и плотничать...

Тихий шорох и скрежет чешуи по камням ворвался в его мысли.

Грохота обвала не слышал никто, но наутро не сыскали сразу троих – двух горняков и стражника Митюху. Спустившись же вниз, нашли, что один из коридоров засыпало пустой породой. Серый мертвый камень был всюду, куда ни глянь. Сперва хотели разрывать завал, думая, отыскать коли не живых людей, то хотя бы их тела, но вызванный к руднику Сысой Псоич не велел этого делать.

– Рудничный, – только и процедил он. – Его работа!

Надо было пробивать другую шахту, на новом месте. Но где?

Глава 3.

У переправы через Волгу партию кандальников нагнал ведьмак.

Шли торопясь, казаки на сытых лошадях постоянно подгоняли бредущих пешком людей. Тех, кто выбивался из сил, секли нагайками прямо в строю, охаживая заодно и тех, кто пытался помогать уставшим. Алексею и Антону Багрицкому попадало чаще прочих – они, не сговариваясь, взяли под опеку юного Владимира Шаховского. Хрупкий юноша тяжело переносил пеший переход. Если первые дни он еще держался, то позже стал сдавать. Вдобавок ко всему, выданные ему казенные сапоги оказались на два размера больше нужного и грозили свалиться.

– Радуйся, хотя бы, что каши не просят, – пробовал подерживать товарища Антон Багрицкий.

– Я радуюсь.

Владимир подставил загоревшее лицо ветру. Юноша исхудал, казался моложе своих лет. И не раз и не два, когда случалось проходить через деревеньки, на него обращались жалостливые бабьи взгляды. Касатиком, сынком звали его деревенские бабы и спешили сунуть кусок хлеба или изо всей партии выносили молока лишь ему, да двум случившимся тут же деткам. От молока Владимир отказывался, краснея

так густо, что только поневоле усиливал убеждения в своей молодости.

Как-то на пути, в одном из сел, их нагнал возок. Кандальников согнали всех в одну избу, где усталые люди спали вповалку. Было душно. Пахло потом, немытыми телами, грязными онучами. Вдобавок не у одного и не у двух каторжан случилось расстройство желудка, и едкие газы только усиливали общую вонь. И поэтому, когда в дверь заглянул офицер и быстро, злым шепотом выкрикнул имя Владимира Шаховского, юноша сорвался с места в надежде хоть ненадолго подышать свежим воздухом.

Его не было какое-то время, а когда он вернулся, не спавшие Алексей и Антон заметили, что глаза их молодого друга странно блестят. Обеими руками он прижимал к груди что-то, завернутое в тряпицу.

– Чего там? Зачем к начальству вызывали?

Владимир рухнул на полати между друзьями. Он мотал головой и некоторое время не мог говорить.

– Маменька, – наконец, выдавил он и всхлипнул по-детски.

Только через несколько минут, наполненных вздохами и всхлипами, удалось выяснить, что на свой страх и риск вдогонку партии ссыльных каторжан пустилась старуха-мать Владимира. После пяти дочерей он был ее единственным, желанным сыном, в котором души не чаяли оба родителя. Узнав о его аресте, старый граф Шаховской слег, да более

и не встал. Его, разбитого, без языка, схоронили на другой день после казни заговорщиков. Едва оплакав мужа, графиня Шаховская помчалась догонять сына. С собой она передала ему образок, чистую смену белья, немного денег и горсть леденцов. Две из пяти сестер тоже передавали брату гостинцы, и сопровождавший ссыльных офицер не только разрешил передать все, но часть вещей даже забрал на хранение, прекрасно понимая, что во время пешего перехода лишний груз будет только отягощать кандалников.

На следующей остановке Владимира вызвали опять – его маменька так и следовала за их этапом. Она накупила гостинцев для всех его товарищей – белого хлеба, яблок, сладостей. Нашла даже чистые рубашки. Алексей принимал от чужой женщины помощь, сам продолжая тревожиться о жене. Что с Настей? Когда они расставались, она ждала ребенка. Сейчас по срокам ей было время рожать, этим можно было объяснить ее отсутствие и молчание – женщине было явно не до того. Родила или нет? И кого? Хоть бы узнать это – и больше ничего не надо. Ни посылок, ни свиданий!.. Через Владимира он передавал его матери просьбу узнать кое-что о судьбе Анастасии Варской, но время шло, а ответа пока не было.

А потом их нагнал ведьмак.

Он догнал колонну на марше и остаток пути скромно держался позади всех, не привлекая внимания. Лишь вечером, когда прибыли в Самарин, появился, как из-под земли. Кан-

дальников загнали в склады на пристани, выбрав пустые, да и то места не хватало. Пристань тут была большая, паромы и большие весельные лодки сновали туда-сюда. Порой показывалось у причалов чудо техники, на которое сбегались смотреть все, от мала до велика – первый и единственный в городе парходик, возивший с того берега на этот только самые важные и ценные грузы – письма, казну, особо важных пассажиров. Конец лета – страдная пора. Везли зерно, лес, пеньку, железную и медную руду. И каторжане поневоле должны были остановиться на день-другой. Пройдя много верст пешком по пыльным и жарким дорогам, люди радовались передышке. Впереди были еще недели и месяцы долгого пути – не меньше трех недель пути до Камня, потом, обогнув его с юга, дальше. А там недалече осень и зима. В Закаменье, как знали все, стоят морозы. В октябре уже лежат снега по колено...

Привыкнув к своим подопечным, солдаты позволяли выбираться из тесного складского помещения на вольный воздух. Алексей и его товарищи воспользовались разрешением – все предчувствовали, что прежняя жизнь скоро закончится и хотели продлить эти спокойные мгновения.

Небо, как назло, было чистым и высоким. От близкой Волги пахло водой, рыбой, сыростью, веял приятный ветерок. Доносились крики чаек, шум пристани – полным ходом шла погрузка и выгрузка товаров и груза. Послышался трубный глас, непривычный, резкий звук, от которого все вздрогнули.

– Что это? – вздрогнул Владимир.

– Пароход, – присматривавший за кандальниками солдат сплюнул на дорогу.

– Что-что?

– Да штука такая. Сам я не видал, а сказывали – вроде как самовар на лодку поставили. Вода внутрих у него кипит, пар выходит, и этим паром не весла, а такие колеса, как у водяной мельницы, крутятся. И он как бы по воде идет. Вот бы повидать такое чудо! Самовар по речке ходит!

– Да уж, – Антон Багрицкий усмехнулся в отросшую за время пути бороду, – чего только не выдумает наш русский народ. Я убежден, что только наш русский мужик мог додуматься до такого. И это – несмотря на то, что он стонет под гнетом от рабства, произвола, насилия...

– Тише вы, ваше благородие, – встрепенулся солдат, пугливо озираясь по сторонам. – Неровен час, услышит кто! И вам худо будет за такие речи, и мне за то, что вас выпустил на прогулку!

– Я-то замолчу, – насупился Багрицкий, – но всем рты не заткнуть...

Его речи были услышаны – от другого склада подтянулись еще люди. Алексей и Владимир признали в них своих еще прежде, чем те окликнули кандальников.

– Товарищи! Прокопович! Это вы? – Алексей узнал своего бывшего сослуживца. – А кто это с вами?

Закованный в ставшие привычными кандалы, чуть в сто-

роне держался стройный русоволосый мужчина. Из-под лохматых волос, падавших на лоб, смотрели в пространство полные тоски серые глаза. Под щетиной на подбородке виднелся старый шрам.

– Не признал? Мы сами недоумеваем, как его звать. Александра Травниковича помнишь? Того, за кого Крутицкий ручался?

– Так это он и есть? – Алексей уставился на единственного уцелевшего ведьмака. Общаясь между собой во время следствия, они знали, что ведьмаков собирались судить отдельно, судом инквизиции. Но Юро Крутицкий, один из руководителей восстания, покончил с собой, третьего отправили на перевоспитание в какой-то монастырь, и остался только один. Попавший в общий разряд.

– Вроде он, а вроде и не он, – пожал плечами Прокопович. – Инквизиторы с ним все-таки расправились. Травниковича больше нет. Есть Травник. Лясота Травник.

Алексей с любопытством уставился на державшегося в стороне человека, у которого отняли не только положение в обществе, свободу и честь, но даже самое имя. И, как знать, не лишили ли чего-то еще...

Привлекая внимание, солдат свистнул – на складах появилось начальство, и ссыльные из разных партий разошлись подальше, возвращаясь в тесноту, духоту и полумрак складских помещений.

На другой день им опять удалось увидеть друг друга. Обе

партии пригнали на пристань, грузить на баржу. Всю пристань оцепили двойным кольцом солдат и жандармов. Суетился начальник пристани, за ним по пятам бегали приказчики и несколько купчишек, чьи товары теперь задерживались на берегу на день или больше. Рабочие толпились в сторонке.

Алексей заметил Прокоповича, кивнул ему издалека головой, но и только. Солдаты держали обе партии на расстоянии друг от друга. Все нервничали.

Начальник пристани бросился к сопровождавшему ссылных офицеру, едва не путаясь в собственных ногах:

– Ваше благородие! Можно начинать? А то меня купцы поедом съедят! Товары ведь...

Он осекся, заметив идущего рядом с офицером ведьмака. Угольно-черный мундир, чем-то похожий на укороченную сутану католических священников с алыми вставками, издалека бросался в глаза. На груди на серебряной цепи висело круглое зеркало в витой оправе. На оборотной стороне, насколько помнил Алексей, было изображение широко распахнутого глаза, пронзенного молнией. У Юро Крутицкого был такой знак... Ведьмак был без оружия – во всяком случае, ни пистолетов, ни кинжала не было видно под одеждой – но производил такое впечатление, что все невольно смешались. А начальник пристани и вовсе залебезил перед посланцем Особого отдела Третьего Отделения.

– Мое почтение, ваше высоко... ваше преосвя... ваше...

ваше, – залепетал он.

– Не утруждайтесь чинами, – бросил ему ведьмак. – Я здесь не для того. Когда начнется погрузка?

– Вы торопитесь, ваше благородие? – радостно воскликнул начальник пристани. – Так, ежели оно надо, мы с превеликим удовольствием... Нешто не понимаем! Государево слово и дело!.. Только прикажите – пароходик вас с ветерком домчит, куда угодно! Эй! Там! – заорал он, от волнения давая «петуха», – воротить «Красотку»! Немедля! Государево...

Он осекся, взвизгнув – ведьмак схватил его за локоть.

– Не стоит, – процедил он. – Я сопровождаю партию ссыльных и не намерен ни отставать, ни опережать их ни на день. Достаточно того, что вы просто не станете нас задерживать!.. А это что такое?

Радуюсь, что его локоть отпустили, начальник пристани умчался с несолидной для его положения прытью, ругая грузчиков за нерасторопность и молясь Пречистой Деве одновременно. А ведьмак развернулся к кандалным, щуря глаза.

– Что. Это. Такое? – отдельно повторил он.

Сопровождавший его офицер изменился в лице:

– А что не так?

Посланник Третьего Отделения уставился на русоволосого молодого мужчину с приметным шрамом на подбородке. И тот, очнувшись, в свою очередь не сводил с него глаз.

– Это... *ведьмак!* – прошипел тот. – Кто посмел?

– Так это... какой же он...э-э... согласно приговору Особой Комиссии лишен всяческих званий, сословия и...э-э... состояния. Он – бывший...

– Бывших ведьмаков не бывает! – отрезал посланник Третьего Отделения и, направляясь прочь, бросил через плечо: – Как и бывших мятежников... Перевести!

Он шагал так широко, что офицер отстал от него через десяток шагов.

– Перевести, – проворчал он. – Легко сказать! А куда я его дену? К уголовникам разве что... Да и с меня же потом погоны снимут, если хоть один из *этих* пропадет... Эй, там! Задвиньте «бывшего» подальше, чтоб высокое начальство не видало!

Больше Алексей никогда не видел ни Прокоповича, ни его спутников, ни того самого «бывшего» ведьмака. Их партию отправили в тот же день, час спустя. Остальных переправили на другой берег Волги только через неделю.

Городок Иштым на Иштым-реке был заложен лет двести тому назад первопоселенцами, осваивавшими Камень, на месте другого поселения, оставленного невесть кем – то ли древними руссами, которые, сказывают, жили в стародавние времена, еще когда на земле среди людей ходили языческие боги, то ли каким-то местным малым народцем. Долгое время это было небольшое торговое поселение и кроме десятка

купцов и сотни-другой казаков, надзиравших за покоренными окрестными народами, тут никто и не жил. Лишь полвека тому назад, как открыли в окрестностях серебряные, медные и железные руды, потянулся сюда народ. В Иштыме был поставлен завод, благодаря чему городок сразу вырос в два раза и продолжал увеличиваться до сих пор. Подрастали в окрестностях малые заводики – и государственные, и частные. Потому и учрежден был полвека назад тут особый Рудный приказ. Столицей всего Закаменья становился когда-то захолустный Иштым. Не так давно ему возвели даже новую стену, наладили строить каменный кремль, чтоб все было, как у старых городов империи. Тем более, что и камень привозили свой, ломали неподалеку.

Сюда в начале осени прискакал Сысой Псоич с Невейского заводика. Вроде и невелик заводик, а хозяина его знали в Рудном приказе все. И начальник аж с лица спал, когда ему доложили о приезде Невейского хозяина.

Он вошел торопливо, встрепанный, неряшливо одетый, с горящими глазами. С таким видом только о войне и объявлять.

– Государево слово и дело! – в руке его было зажато помятое письмо.

Начальник приказа встрепенулся, всплеснул пухлыми ладонями:

– Случилось чего?

– Чтите, ваше благородие!

Двумя руками, как ядовитую змею, начальник приказа осторожно, за самые кончики, развернул бумагу. А ну, как тут сказано про то, что всплыли его темные делишки и предписано ему сей же день сдать пост и отправляться в почетную отставку в свою деревеньку, доживать век? Герб на бумаге напугал его еще больше, и понадобилось минут десять, чтобы он вчитался в строки приказа и только после этого перевел дух.

– Ух и напугали, Сысой Псоич, – пропел он дрожащим голосом. – А я-то грешным делом решил, что по мою душу сие письмецо!

В письме великий князь Петр Ольденбургский приказывал получателю сего, Сысою Псоевичу Невейскому немедленно отправить ему партию «известного товару» и к весне подготовить вдвое больше обыкновенного, послав во Владимир-Северный сразу, как пройдет талая вода.

– Письмо-то по мою душу, да я по вашу, ваше благородие, – гость немного отдышался. – Мужики нужны.

– Али у вас народа мало?

– Мало. И ведь не простые нужны, а чтоб, в случае чего, за них ни перед кем ответа не пришлось держать. Чтобы был человек – а как ко мне попал, так и нет больше человека! – он наклонился вперед, прищурил глаза. – Поищите таких, ваше благородие. А уж я в долгу не останусь!

Начальник приказа даже вздрогнул. Откуда ни возьмись, на столе возник и сочно звякнул туго набитый мешочек. Так

и тянуло поглядеть, что там – самородное серебро или полновесное золото.

– Ну, вы меня понимаете, ваше благородие?

– Понимаю, но помочь не могу, – уже протянувшаяся к мешочку рука замерла в воздухе.

– Как так?

– А вот так! В крепости нынче пусто, никого нет. Посылать казаков по лесам искать беглых? Так ведь конец лета, сейчас в лесу вольготно, любой беглый сытно ест, к поселениям не выходит. Вот кабы месяца через два-три, когда холодать начнет, и все эти шатуны к теплу потянутся... Месяца через три обращайтесь!

– Не могу я столько ждать. Дело, вишь, не мое, а государственное, – Сысой Псоич постучал ногтем по письму. – И коли будут мне чинить в сем деле преграды, отпишу я самому князю Петру Константинычу Ольденбургскому, да расскажу, какие тут мне в государственном деле преграды чинятся. И как думаете, кому более поверят, вам или мне?

Начальника приказа прошиб пот, когда заводчик посмотрел ему прямо в глаза. Очи у Сысои Псоича были, как у змеи. Холодные, пустые – и манящие.

«Чур меня, чур! – подумал начальник управы. – Матерь Божья, пресвятая Дева! Спаси и сохрани!»

Слабеющими пальцами скрутил кукиш – вроде стало отпускать. Но страх остался.

– Не понимаю, на что вам столько мужиков? Не новую ли

шахту рыть надумали?

– Именно так. Редкие самоцветы удалось сыскать. Будет сие не только короне полезно.

А было это так...

Не хотелось Сысою Псоичу бросать Невей-реку. На ее берегах, вблизи Невейска, чего только в земле не лежало. Богатства этого края были не в железе и не в золоте. Да и меди тут было не так уж и много. Иные металлы, что ценились по крупницам, намывались из здешней руды. Серебро и поделочный камень служили лишь прикрытием. Эти-то шахты продолжали работать, но те, ради которых и затеял Сысой Псоич все дело, оказались заброшены. Нужны были новые, а где их копать? Рудничный бог ревниво хранит свои богатства. Пуще имени своего бережет подземные недра. И от его благосклонности зависит, не истощатся ли и серебряные копи, не придется ли людям вовсе покидать берега Невей-реки.

Пока крепили старые штольни, Сысой Псоич облазил все горы. Вставая чуть ли не засветло, пешком обходил окрестности, чуть не на карачках ползал по земле – искал знака. Не могло такого быть, чтобы не нашлось выхода подземных руд. Рудничный бог суров, жесток, но и хитер и коварен. Иной раз он нарочно выдает местонахождение своих богатств в надежде заманить алчных людей в ловушку. Налетят глупцы на дармовщинку – да и попадутся, как мухи в мед.

Но был еще способ, как заставить Рудничного бога самого пожелать поделиться накопленным. В свое время Сысой

Псоич именно так обрел богатые уголья на Невей-реке. От чего бы не попытать счастья второй раз?

В этот раз он не пошел в горы, а спустился к берегу реки. Чуюл, что ловить удачу надо здесь.

И понял, что не ошибся, когда под кустами раkitника услышал двухголосый шепот. Парень и девка!

– Ну, Дуняша, ну дозволь...

– Пусти!

– Ну, я только поцеловать...

– Ну, ладно. Разве в щечку...

Шорох, сдавленный вздох, потом вскрик и шлепок:

– Да ты чего, Дунька?

– А того! Лапы-то не больно распускай! Куда под подол полез?

– Ну я того... Ну, потрогать только...

– Руки убери!

– Ну, Дуняша... Ну, ягодка моя сладкая...

– Кому сладость, а кому горечь! Все вы, парни, хороши!

Сорвете маков цвет и поминай, как звали! А мне потом ворота дегтем вымажут? А мамка чего скажет? Тятка – тот все косы повыдергает!

– Не повыдергает, небось.

– Откуль знаешь?

– Ну, я ж и посвататься могу...

– Ой... Васятка...

– А чего? Вот как пост пройдет, так сватов и зашлю. Пой-

дешь за меня, Дуняха?

– Не пойдет.

Парочка хором вскрикнула, когда Сысой Псоич воздвигся над ними из кустов.

– Ой, лихо! Колдун! – вскрикнула Дуняша, падая на землю и закрывая лицо руками. Парень остолбенел, разинув рот.

Хозяин рудника только усмехнулся. Слухам о своей колдовской силе он не препятствовал – наоборот, поддерживал, справедливо полагая, что так его будут больше бояться. Да и что скрывать правду? Действительно известно он с нечистой силой. И даже больше того. Людям не стоит знать разве что, как далеко простирается его власть над незримым миром и насколько велики силы того, кто среди них известен как хозяин небольшого рудника. Но ведь и Петр Ольденбургский, поставлявший ему заказы, тоже не простой человек. И только он знает, кому и на что идут все те редкие руды.

– Попались, – промолвил он. – Теперь не уйдете!

– Помилуй! – вскрикнул парень, валясь в ноги.

– Молчать! В глаза смотреть!

Девка взвыла дурным голосом, но тут же осеклась, зажимая себе рот руками и глядя на колдуна белыми от ужаса глазами. Парень не мог и того.

Сысой Псоич окинул обоих пристальным взглядом. Девка ничего. Спелая. А вот парень...

– Ко мне!

Вскинул руку, растопыбив пальцы. Парень побелел, задрожал мелко, но послушаться не посмел, приблизился, опускаясь по знаку колдуна на колени. Глаза его остекленели, когда ладонь легла ему на голову. Ногти впились в кожу под волосами, захватили в горсть вихры, заставив запрокинуться.

– Слушай меня, – глядя глаза в глаза, отдельно промолвил колдун. – Завтра поутру придешь на рудники. Скажешь, что хочешь работать. Спустишься в забой. Пока я не отпущу. Понял?

– Приду, – пролепетал парень.

– А сейчас ты все забудешь, – колдун разжал пальцы, отступил. – Иди!

Парень встал, сделал шаг, покачнувшись, как пьяный.

– Васятка, – взвыла девка, но тот даже не посмотрел в ее сторону. Побрел к поселку, тупо глядя перед собой сонными глазами.

Оставшись наедине с колдуном, Дуняша тоненько заскулила. Ее скулеж стал громче, отчаяннее, когда Сысой Псоич обернулся к ней.

– Иди за мной!

И зашагал вперед, не оборачиваясь и не следя, идет ли за ним девка. И так знал, что идет – вон как скулит, дуреха. Чует, что к чему. А ведь зачаровать-то нельзя. Должна понимать, что происходит, должна чують страх – и все равно подчиняться. Когда жертва кричит и бьется, оно к лучшему. Как звери сбегаются на кровь, так и Рудничный со своими

слугами пойдет на ее чувства. Для *этих*, которые *там*, слаще страха нет ничего. У *них* над колдуном Сысоем потому и нет власти, что он, колдун Сысой, никогда не испытывал никаких сильных чувств. О чем бы ни шла речь, что бы ни происходило, он всегда оставался спокоен и холоден.

На ходу полез в калиту на поясе, достал палочку-рогатку, отшлифованную десятками и сотнями прикосновений его рук до того, что она и на дерево перестала походить. Взялся за концы, покачал туда-сюда и пошел осторожнее.

Шагали они в сторону от человеческого жилья. Вечерело. Становилось прохладно. Запели комары, когда они вступили под кроны росших на склоне горы деревьев. Где-то в лесу, где уже было темно, закричала сова. Дуняшка клацнула зубами, тоненько взвыла от страха. Только бы не помешала! Только бы не пришлось останавливаться и тратить на нее время и силы!

Толстый слой кедровой хвои вперемешку с прошлогодней листвой и пробившейся сквозь нее летошней травой пружинил под ногами. Колдун Сысой умел ходить по лесу так, что его еще в юности считали сыном лешего. Да мать и сама не могла точно сказать, от кого понесла единственного сына. Как бы то ни было, в лесной чаще Сысой чувствовал себя, как дома. И сейчас шагал уверенно, туда, куда вела его лоза. Шел и тихо бормотал себе под нос:

Змею – камень,

Руде – пламень.
Древу – солнце,
Жару – хладень.
Камню – силу,
Жизни – смерть.
Свету – мрак,
Духу – ветер.

Земля отзывалась на простое заклинание теплом и тяжелым смрадным дыханием. Где-то там, в ее недрах, шла своя жизнь. Где-то там горели неугасимые огни, в которые бурлила и плавилась кровь земли. Среди них, в чаду и жару, извивалось напоенное силой тело Змея. Говорят, это и есть Ад. Сысой не брался спорить.

То самое место он почуял еще прежде, чем лоза качнулась в его пальцах туда-сюда, указывая на проходящую поблизости подземную жилу. Склон тут был пологим, удобным для строительства, да и деревьев росло мало. Правда, сама жила была глубоко, но ведь он знал отличный способ, как притянуть ее поближе.

– Стой!

Всхлипывающая Дуняшка остановилась, обхватив себя за плечи руками. Вечер наступал прохладный, с гор задувал ветерок, и она продрогла. Не думала, не гадала, что придется бродить по горам вокруг рудника, вот и мерзнет в простом сарафане. Ничего, скоро согреется! Подземного жара на всех

хватит.

Поселок Невейск за деревьями не был виден, а вот до рудника оказалось не так уж далеко. Оставив девку дрожать от страха и холода, Сысой Псоич прошелся туда-сюда, замечая, в какую сторону проходит жила. Выбрал место, притопнув ногой:

– Иди сюда!

– Отпустите меня, – заныла Дуняшка. – Христом-богом мо...

– Цыц! Иди, кому говорю!

Девка заскулила тоненько, но спорить не посмела. Подошла, вся дрожа, встала перед колдуном. По круглым щекам ее текли слезы, она хлюпала носом, кусала губы. Обычная девка, ничем не примечательная. Тело крепкое, молодое.

Не трата слов, Сысой положил ладонь ей на грудь, сжал.

– Ой!

– Нешто больно? – он прищурил глаза, заговорил ласково. – Да ты не боись, ягодка! Чего испугалась? Или я больно тебе делаю?

– Не-не-не... – заблеяла она.

– А раз не больно, чего плачешь?

Ласковый голос вкупе с чарами подействовал:

– Стра-а-ашно, – призналась Дуняшка.

– А ты глаза-то закрой – и страх пройдет!

Одной рукой он продолжал мять и тискать ее грудь. Девка вся дрожала, но послушно зажмурилась. Даже задышала

чаще, когда колдун полез ей за пазуху. Видно, сообразила, что старику всего-навсего захотелось женской ласки, вот он и назвал ее сюда, чтоб поиграться. Пусть себе думает.

– А ну-ка, ложись, – распорядился он. – Сюда вот, на травку!

– А з-зачем?

– Нешто не поняла еще, глупая? – он притянул ее двумя руками, убрав лозу.

– Ой, пустите! – попробовала отбрыкиваться она. – Ой, не надо...

– Да чего ты? Чего? – он мял и тискал девку двумя уже руками, рванул на груди рубаху, невзирая на сопротивление. Ткань затрещала, сползая с округлых девичьих плеч. Дуняшка вскрикнула, пытаясь прикрыться руками. Сысой торопливо дернул еще раз, выхватил нож.

Увидев сверкнувшее в его руке лезвие, девка завопила на весь лес. Сысой распорол на ней рубаху и сарафан, оставляя царапины на боках и ногах. Неосторожно резанул по руке – потекла кровь.

– Ай!

– Ложись, говорю!

Вспомнив, что имеет дело с колдуном, с которым опасно спорить, дрожащая от страха и ночной прохлады Дуняшка шлепнулась на траву. Обрывки ее сарафана и рубахи полетели в сторону. Последним движением девка закрыла лицо руками, чтобы не видеть навалившегося на нее тела, чтобы

не почувствовать, как...

Одним лоскутом порезанной рубахи Сысой крепко стянул щиколотки девки. Другим, быстро, пока она удивленно хлопала глазами, ожидая от него совсем другого, запястья. Третий запихнул в рот, чтоб не орала и встал над жертвой. Раскинул руки в стороны, не спеша стал начитывать заклинание:

Шуша-змея, Яша-змея
Шел за тридевять земель.
Шел во злате-серебре,
Шел во давней во поре.
Яша-змея, кольцом свернись,
Ты на зов мой отзовись!
Яша-змея, Шуша-змея,
Кровь земли свою пролей.
Кровью силу напитай,
Кровь-руду свою отдай!

Бормоча последние строки, стал, пятясь, обходить дрожащую, испуганно мычащую что-то сквозь кляп девку. Та только извивалась, пытаясь порвать или хотя бы растянуть узлы, вращала глазами. Колдун не обращал на нее внимания. Да пусть хоть попытается ползти – все едино. Он чувствовал, как земля отзывается на его призыв. Чем больше будет биться перепуганная жертва, чем сильнее страх смерти, тем скорее руда отзовется на его заклинание.

Дочитав до последней строки, вернулся к девке, встал на колени у ее ног. Девка приподняла голову. От ужаса она ничего не соображала, особенно когда заметила, как он опять заносит над нею нож. Отчаянный визгливый вопль был слышен даже сквозь кляп.

Оставив еще живую девку корчиться на траве и стонать от боли, Сысой Псоич спокойно вытер нож и зашагал прочь. Даже ему не годилось видеть то, что должно было свершиться через несколько минут.

Он был уже на полпути к заводику, когда земля под ногами дрогнула, словно живое существо. Проворно упав на колени, колдун приник ухом к земле и уловил слабый треск и хруст – это где-то там, в глубине, сходились и раздвигались пласты. Рудная жила шла в нужном направлении, туда, куда вела ее воля колдуна. А это могло означать только одно – жертва принята.

Но бросать новую, только-только родившуюся жилу на произвол судьбы нельзя. Надо было идти к ней, рыть ее, разрабатывая. А где взять людей?

... Тогда-то Сысой Псоич и поскакал в Иштым-город в Рудный приказ.

Конец июля выдался жарким, душным. Дождя уже несколько недель, как не выпадало, и из деревень доходили вести, что хлеба сохнут на корню. Более того – в иных местах начинались пожары.

Настя тяжело переносила жару, особенно сейчас. Она донашивала последние дни и поневоле сделалась неповоротливой, тяжелой, сонной. О поездке к морю больше не было и речи. Да и затевалась она явно для отвода глаз. Хлопотавшие над Настей мать и свекровь только усиливали ее мучения. Лишь ночи приносили желанную прохладу, но в саду было ни ветерка – пыльные деревья стояли, опустив ветки, и только вздыхали. Яблоки краснели, чтобы поспеть налиться остатками соков до того, как высохнут совсем.

В ночь на первое августа Насте не спалось. Она лежала при распахнутом окне и, глядя на небо, слушала, как в саду время от времени с ветки срывается очередное яблоко. Вчера у собора какая-то кликуша вопила о близком конце света – мол, при Ное сорок дней лила с небес вода и случился великий потоп, а сейчас сорок дней будет стоять жара, и завершится она великим пожаром. Насте было все равно, хотя мать и свекровь, ходившие к вечерней и принесшие отсюда эту новость, потом весь вечер обсуждали, правда ли, что настают последние времена. Для молодой женщины это не имело значения – только бы родить поскорее и продолжить бороться за Алексея. Этот огромный живот сковывает ее по рукам и ногам! Ребенок Алеши! Долгожданный сын или дочка! В недобрый час ему выпала судьба появиться на свет! А все же лучше такая жизнь, чем никакой...

Шорох листвы заставил ее насторожиться. Да, это ветер! Деревья радостно качали ветвями, приветствуя вестни-

ка прохлады, и Настя, собрав силы, с трудом встала с нагретых ее телом простыней. Как была, босиком, в неприятно липнувшей к телу сорочке, подошла к окну, ловя разгоряченным лицом свежий воздух...

И отпрянула, прикусив губу, чтоб не кричать.

Под окном стоял мужчина.

Первым порывом Насти было поднять тревогу – что незнакомый мужчина делает в саду князей Варских? Но потом незнакомец заметил ее, обнажил голову, и молодая женщина, узнав его, удивилась еще больше.

– Ваше сиятельство? – прошептала она, опираясь на подоконник. – Что вы здесь делаете?

Великий князь Петр Ольденбургский улыбнулся.

– Мне необходимо было вас увидеть.

– Нет-нет, – Настя не знала, смеяться или плакать. – Я замужем. Я...

– Дело касается вашего мужа, княгиня, – улыбка мужчины увяла. – Вы можете уделить мне несколько минут своего внимания?

– Сейчас?

– Да.

– Но...

– У меня всего несколько минут, – он покачнулся, и до Насти с запозданием дошло, что с ним происходит что-то странное. – Спуститесь ко мне!

– Но... это невозможно! – она и в прежние-то времена не

бегала ночами по саду, а сейчас, в нынешнем положении.

– Торопитесь!

И в этом окрике было столько силы, что молодая женщина отбросила колебания. Да что это с нею? Чего она испугалась? Ездил к этому цесаревичу-чернокнижнику в дом, а тут вдруг забоялась? Да стоит ей закричать...

Додумывала она эту мысль до конца, уже спускаясь по ступеням, одной рукой касаясь перил, а другой придерживая живот. О том, что надо было взять хотя бы свечу или обувь, она подумала, уже оказавшись на крыльце.

Странно. Ветер тут, снаружи, был незаметен. Над ее головой качались ветки, шелестела листва, а под ногами у Насти не дрогнуло ни травинки. Она задела босой ногой валявшуюся на земле ветку, тихо охнула.

Вот и деревья под ее окном. Вот ее окно с распахнутыми рамами. Вот лужайка. Но цесаревича Петра нигде не видно. Что за шутка?

– Ваше сиятельство? Где вы?

– Идите ко мне.

Настя вскрикнула от неожиданности. Голос доносился из-за деревьев.

– Что за шутки?

– Это не шутки! Скорее! Нас могут увидеть, и тогда несдобровать и вам, и мне! У меня только несколько минут... Живее!

Настя поспешила на голос, и сразу увидела стоявшую в

тени фигуру. С великим князем было что-то неладно. Молодая женщина приблизилась вплотную, и только когда Петр Ольденбургский протянул ей навстречу руки, сообразила, что перед нею не живой человек, а призрак. Полупрозрачная тень с размытыми контурами маячила перед нею, на бледном лице, как две свечки, горели глаза со странными, вертикальными зрачками. Было что-то жуткое во всем его облике.

– Не пугайтесь, княгиня, – промолвил призрак. – Просто возьмите меня за руки. Это позволит мне сэкономить силы, и я не исчезну в самый неподходящий момент.

Настя нерешительно потянулась к нему, и ощутила прикосновение... У нее не нашлось слов и мыслей, чтобы описать, что она почувствовала в тот миг, когда пальцы призрака коснулись ее ладоней.

– Вот так, – он улыбнулся. – Не пугайтесь! Открыто я не смог бы вас посетить, чтобы не вызвать лишних пересудов. Инквизиторы сумели восстановить против меня моего августейшего кузена. Так что одно лишнее движение – и я в лучшем случае присоединюсь к вашему мужу за Камнем, а в худшем окажусь в казематах Третьего Отделения. А оттуда такие, как я, уже никогда не выходят. Даже после смерти.

– Вы говорили, что речь идет о моем муже? – осмелилась уточнить Настя.

– Говорил. И пришел, чтобы сказать, что могу вам помочь. Я должен убедить императора в своей лояльности, дабы он согласился пойти мне и вам навстречу. Я помогу вам соеди-

ниться с мужем, если таково будет ваше желание...

– Что? – забывшись, Настя так крепко сжала руки призрака, что они растаяли под ее пальцами. – Быть рядом с Алексеей? Нам... быть вместе? Неужели это возможно?

– Скажите, – голос Петра Ольденбургского дрогнул, – на что вы готовы ради этого?

– На все!

– Что вы готовы отдать ради него?

– Все!

– Даже чужую жизнь?

– Даже чужую жизнь!

– Будьте осторожны с такими клятвами, – на губах призрака появилась улыбка. – Это не светский салон и не спиритический сеанс у графа Калиостро. Все, что вы скажете, может сбыться... Так что вы готовы отдать, чтобы опять быть со своим мужем и не в следующей жизни, а в этой и не когда-то через много лет, а в скором времени?

Голос его возвысился, зазвенел, и Настя неожиданно испугалась.

– Я... вы перенесете меня к Алексею? Сейчас? – почему-то ей вдруг внезапно захотелось оказаться в своей постели, под теплым одеялом.

– Княгиня, я и себя-то с трудом смог перенести на такое расстояние, а уж вас-то, в вашем положении, – рассмеялся призрак. – Все намного проще. Ваше прошение императору.

– Боже, – догадалась и испугалась Настя, – неужели нет

другого пути? Без этого...

Ледяные пальцы призрака сдавили ее ладони, перевернув их.

– Другой путь мог бы быть, не прочти я ваши линии судьбы. Я ни у одной из знакомых мне женщин не встречал такой странной линии любви. Итак?

– Все, – выдохнула Настя. – Я все готова отдать, чтобы быть рядом с Алексеем! До конца моих дней...

– Услышано и засвидетельствовано!

Резкий звук, похожий на хлопок лопнувшей струны, ударил по ушам. Молодая женщина невольно зажмурилась, а когда открыла глаза опять, рядом никого не было. Она стояла босиком в траве среди сада. За деревьями белой громадой высился дом.

– До встречи на кладбище...

Тихий голос над ухом заставил вздрогнуть. Настя вскрикнула, шарахнувшись в сторону, и он этого резкого движения внезапная боль опоясала ее чрево. Живот внезапно окаменел, налившись тяжестью. Настя охнула, хватаясь за него. Ребенок! Как она могла забыть? По ногам что-то потекло, колени сделались ватными... Ох, как не вовремя! Неужели ей судьба родить здесь и сейчас, под открытым небом, как какой-нибудь крестьянке?

По счастью, приступ длился всего несколько секунд. Когда боль прошла, молодая женщина заковыляла к дому. Мокрыми ногам было неприятно. Ей удалось добраться до своей

постели прежде, чем ее скрутил второй приступ, и только тогда Настя позволила себе закричать.

Ребенок родился в полдень. Уставшая, Настя успела только услышать, что у нее сын и сразу провалилась в глубокий сон.

Рождение ребенка не принесло Насте ничего хорошего. От переживаний у молодой женщины не пришло молоко, и срочно стали искать кормилицу. Молодую здоровую мещанку, которая взяла младенца, нашли быстро, но мальчик с первых дней жизни начал болеть. Его в срочном порядке окрестили, надеясь, что это поможет. Самой Насти на крестинах не было – акушерка и вызванный доктор Штерн запретили ей вставать.

Стоял жаркий август. На небе не было ни облачка. Из деревень доходили вести о том, что хлеба еле успевают убирать, бабы сбиваются с ног, пытаясь отлить засыхающие огороды, в садах вместо стука дождевых капель по листьям слышен стук падающих яблок. Многие деревья начали желтеть и сбрасывать листву раньше срока. Вдобавок ко всему начались пожары. Даже во Владимире-Северном за три дня выгорели почти все окраины. Началось, как и следовало ожидать, в неблагополучных Грачах – самом опасном районе города. Занялось глубокой ночью, и пожарная команда, с каланчи увидев зарево, не стала рисковать и соваться туда без полиции. Так что до рассвета выгорела добрая половина Грачей,

а на другое утро почти по всему городу полз сизый дым, похожий на дурно пахнувший туман. Дышалось тяжело.

Обливаясь потом, Настя лежала в своей постели, забытая всеми. Ее никто не навещал, только время от времени забегали посланцы от свекрови, чтобы справиться о здоровье невестки, да мать находилась неотлучно. Она пробовала приглашать хотя бы подруг, но даже в праве увидеть Нелли Шумилину ей было отказано. Отвечали, что многие поспешили уехать их душного пропахнувшего дымом города подальше, в деревню. Не было вестей и от его сиятельства Петра Ольденбургского, и, чем дальше, тем больше Настя уверялась в том, что все ей приснилось.

В довершение всего, заболел сын, названный в крещении Ильей. Пока Настя сама болела, от нее скрывали тяжелое состояние малыша, уверяя, что он чувствует себя хорошо, а что матери не показывали сына, так это нормально – она, дескать, сама еле голову от подушки может оторвать, какое там младенцами любоваться. Но едва молодая женщина начала ходить, не держась за стенку от слабости, она сама отправилась в ту комнату, которую выделили кормилице, чтобы увидеть маленького Ильюшеньку.

Бледненький, он лежал пластом и лишь чуть-чуть шевелил ручками и ножками. Собственные сынок кормилицы, шестимесячный крепыш, уже пытался ползать, и в сравнении с ним месячный Илья Алексеевич казался еще слабее и меньше. Настя не могла удержаться от слез, глядя на боль-

ного сына.

Он умер на сороковой день.

До Камня шли весь остаток лета и часть осени. И к тому времени, как попали в Иштым, сильно похолодало.

До Иштыма была остановка в Царицыне, где ссыльные провели несколько дней. Как раз начались осенние дожди, дороги размокли, и каторжане эти дни провели в местной тюрьме. Им позволили сходить в баню, сменить белье. Владимир Шаховской с наслаждением сбрил бороду, которая его ужасно раздражала. А когда их всех неожиданно пригласили на обед к Царицынскому градоначальнику, многие воспрянули духом.

– Жить можно! – воскликнул Антон Багрицкий, когда курьер передал приглашение. – И здесь есть солнце!

– Не обольщайся, – посоветовал Алексей, но друг только отмахнулся. Антон Багрицкий был из тех, кто до конца верит в лучшее.

В Царицыне они провели еще несколько дней, а потом им опять пришлось брести по бездорожью под конвоем еще дальше. Началась осень. Приходилось месить грязь сапогами – теми самыми, в которых они и так уже прошагали столько верст. Хорошую одежду обещали выдать только там, куда они бредут, а пока все оставались в летних шинелях. Спали на земле. Казавшийся таким здоровым и крепким Антон Багрицкий простудился и кашлял так надсадно, что товари-

щи боялись, что он не дойдет до места.

Но он дошел.

Хоронили младенца на Вознесенском кладбище, в родовом склепе князей Варских.

Все эти дни Настя была, как каменная. Даже пока шло отпевание, она не проронила ни слезинки – стояла, как вкопанная, молча глядя на маленький гробик. Мать и свекровь с двух сторон шептали ей злыми голосами, буквально приказывая плакать и причитать, но молодая женщина оставалась глуха к их мольбам. Она полностью ушла в себя, ничего не видела и не слышала. И за поминальным столом сидела, сложив руки на коленях, лишь пригубив по старинному обычаю кутьи. Даже верная Малаша, жалея барыню, и то качала головой. Это же так тяжело, носить все в себе! Или она впрямь такая бесчувственная, что даже смерть сына ее не тронула?

На девятый день Варские опять поехали на кладбище. Старая княгиня Фелициата Алексеевна шла под руку с матерью Насти, шепотом обсуждая судьбу молодой женщины. Бездетная, безмужняя, Анастасия Варская могла вернуться к семье и при желании снова выйти замуж. Император с легкостью бы выправил для нее бумагу, по которой Анастасия Варская считалась вдовой. Ей был двадцать один год. Найти нового мужа ей можно было очень просто.

Настя не слушала эти речи. Опустив голову, закрыв лицо вуалью, она брела чуть в стороне от родных и незамет-

но отстала, погруженная в свои невеселые думы. И не особенно удивилась, когда в поле зрения попал одинокий мужчина. Остановилась, сошла с тропинки, проходя между надгробиями. На ходу снимая шляпу, он двинулся ей навстречу. Великий князь Петр Ольденбургский был в мундире лейб-гвардии и походил на находящегося в отпуску гренадера, который зашел на могилы боевых товарищей.

– Сударыня, – он склонился над ее рукой, – вот мы и встретились. Приношу вам свои извинения...

– Пустое, – Настя отвернулась, глядя вслед уходящим. – Вы же не виноваты...

– Как раз виноват, – поймав удивленный взгляд, улыбнулся, – то бишь, мы оба поровну виновны...

– Что? – до молодой женщины стало доходить. – Значит, мой ребенок умер не просто так?

Она попыталась вырвать руку, но пальцы князя так крепко сжали ладонь, словно хотели ее сломать.

– Так было нужно, Анастасия, – твердо промолвил он. – Можете вслед за инквизиторами и ведьмаками считать меня исчадием Ада, но это был *ваш* выбор. Вас сама жизнь поставила в такие условия, когда на одной чаше весов – материнство и вечная разлука с любимым человеком, а на другой – любовь и, как знать, другие дети. Не вы сделали свой выбор – вас заставили. А я виноват лишь в том, что задал вам тот вопрос: «Готовы ли вы пожертвовать *всем*?» И не уточнил, что это еще не конец.

– Не конец? – несмотря на то, что середина сентября была по-летнему теплой, Настя вдруг почувствовала холод. – Что еще вы от меня потребуете?

– Успокойтесь, ничьи жизни мне не нужны. Но если бы вам пришлось выбирать между любовью и богатством, удобствами, привычной жизнью, всем тем, что вам знакомо и близко с детства? Родные, друзья, положение в обществе...

– А вы? – она чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы и нарочно запрокинула голову. – Вы смогли бы отказаться?

– Если бы меня полюбила такая женщина, как вы... если бы меня просто по-настоящему полюбила женщина... – князь попытался улыбнуться. – Черт побери, ради такого я бы даже подписал все те бумаги, которые от меня требуются, и пошел в крепость, распевая веселые песни! Но – увы! – сие мне не суждено.

– Я не поняла, – Настя, словно очнувшись, всмотрелась в неправильные крупные черты лица великого князя. – Вы... Я вам нравлюсь?

– Возможно, вы – лучшая женщина из тех, с которыми сводила меня судьба, – серьезно ответил он. – Возможно, где-то в ином мире – а я, как колдун, знаю, что миров великое множество, в том числе и таких, что, как две капли воды, похож на наш собственный, – в одном из них мы могли бы быть счастливы. Я даже убежден, что где-то в ином мире женщина, похожая на вас, ответила «Да!» мужчине, похо-

жему на меня, но не здесь и не сейчас. Ваша судьба – быть рядом с мужем. А мне – идти дальше по жизни в одиночестве и утешаться тем, что на долю секунды наши судьбы переплелись. Прощайте! Вряд ли мы когда-нибудь увидимся. На днях из императорской канцелярии вам доставят бумагу. Остальное зависит только от вас. Но если вдруг...

– Я обязательно вам напишу, – догадалась Настя.

– Не стоит, право. Но... буду рад! Прощайте!

Еще раз коснувшись губами ее запястья, великий князь Петр Ольденбургский направился прочь, быстро затерявшись среди лабиринта кладбищенских строений. Настя смотрела ему вслед, пока видела чуть сутулые плечи и непокрытую голову, а потом поспешила догонять остальных.

А на другое утро читала доставленную фельдъегерем бумагу: «Мы, Александр, император Русский, Всея Великия, и Малыя, и Белья Руси самодержец, кнес Ляшский и Балтийский, не чиня препятствий, дозволяем княгине Анастасии Варской отправиться вслед за мужем и впредь поступать так, как она считает нужным».

Глава 4.

Начальник Рудного приказа чуть не поседел раньше срока, когда к нему прибыл ведьмак.

Он свалился, как снег на голову:

– Слово и дело!

Давно, ой, как давно не звучали эти слова! Старики еще помнили те времена, когда, стоило их услышать, разбежались все, от мала до велика. «Слово и дело!» – и хватали первого попавшегося. И вырваться из рук инквизиторов было невозможно. Надо, чтобы сам царь или митрополит вступился за невинного. Иначе – плаха или острог на веки вечные. Среди насельников Иштыма половина – потомки тех, кого сослали, заменив петлю и четвертование батогами и ссылкой. До сих пор на улицах можно встретить старух с вырезанными языками и безносых стариков. И вот – опять...

– А... как? К-кто? Отк-куда? – закудахтал начальник приказа.

– Третье Отделение. Особый отдел, – казенная бумага с печатью легла на стол. Сверху вниз на чиновника смотрели холодные злые глаза человека, который так устал, что готов начать убивать. – Проверка.

Начальник Рудного приказа дрожащими руками потянул на себя документ, украшенный казенной печатью. С Третьим

Отделением шутки плохи. А еще и Особый отдел... А он-то считал, что Господь его миловал! Ан нет. «Неужели, дознались?»

Впрочем, на первый взгляд, в бумаге не нашлось ничего страшного. Действительно, податель сего, старший ведьмак Перехват Чермный (вот уж имена-то у них, прости, Господи, нарочно, что ли такие подбирают?) явился для проверки и написания отчета вышестоящему начальству, дабы вызнать, насколько хорошо осуществлен надзор за подотчетными лицами...

– Мы – верные слуги царю-батюшке, – дочитав, промолвил чиновник, – только у нас надзирать не за кем! Нету у нас ни колдунов, ни ведьм, ни, тем паче, всяких нелюдей.

– Нет? – ведьмак оперся ладонями об стол. – А ежели найдут?

– Ну, так ищите! – развел руками чиновник. – Нешто я супротив власти пойду? У биармов разве что, ну так они сюда давно не заглядывали. И своих шаманов они к нам, иноверцам, значит, не пускают.

– Посмотрим, – лаконично высказался ведьмак. – Так колдунов у вас нет?

– Ни единого! Хоть весь Иштым обшарьте!

– И обшарю, будьте уверены, – кивнул ведьмак. – Тем более, что нас тут донос поступил...

Начальника Рудного приказа прошиб холодный пот. Донос – это уже попахивало ссылкой. Хотя, куда дальше-то ссы-

лать? Разве что дальше на восток, на Камчатку?

– Это кто ж осмелился? – пролепетал он, уже мысленно перебирая всех своих сотрудииков.

Ведьмак лишь выразительно шевельнул бровями. Ну, конечно! Станут они своих выдавать! Рука руку моет, так испокон веков ведется.

И еще четыре дня столичный гость мозолил глаза всем в приказе, копаясь в документах, отказываясь от обедов и упорно не замечая «памятных подарков», которые ему подсовывали тут и там. А время шло. В Иштымском остроге сохдержалась партия ссыльных каторжан, которых давно пора было гнать на заводы, но из-за присутствия ведьмака отправка задерживалась.

Решив больше не тянуть, начальник Рудного приказа рискнул ускорить отправку.

Несколько дней, проведенных в остроге, сказались на ссыльных. Это был долгожданный отдых после изнуряющего многодневного перехода сначала по холодной мерзлой земле, а потом – по снегу, которого с каждым днем было все больше и больше. Дошло до того, что перед партией специально шли груженые сани, приминая сугробы, а уж потом шагали люди. Растоптанные сапоги разваливались на ходу. Бывало, что подметки оставались в сугробах на марше. Хорошо было тем, кому градоначальник Царицына из своих запасов выделил новую обувь и шинели. Остальные доволь-

ствовались тем, в чем еще летом вышли из тюремных ворот.

В остроге можно было немного отлежаться, перевести дух. Правда, на отдых это было не похоже. Казематы обогривались самым простым способом – теплом набившихся в них человеческих тел. На полу кучами была свалена мерзлая солома, в углах у входа стояли две бадьи – из одной пили, в другую, без дна, закрывавшую собой яму для нечистот, справляли нужду. Окошек было два – одно под потолком, совсем маленькое, да еще и забранное решеткой, а другое в двери. Через этот глазок время от времени заглядывала охрана. Стражу сменили – казаки, шедшие со ссылкой из Владимира, на другой же день были отправлены назад, а местные первым делом устроили обыск, изъяв у арестантов все, что хотя бы на первый взгляд было ценным. Не снимали только нательные кресты, хотя кое у кого отобрали шинели, подаренные в Царицыне. Не стеснялись залезать в рот – проверять, не утаил ли кто за щекой деньги. У Владимира Шаховского пытались отобрать образок, подарок матери. Юноша не стерпел, оттолкнул руку охранника.

– Ты, падаль! – на юношу обрушился удар. Тот упал, и стражник принялся избивать его прикладом ружья.

То есть, попытался – Алексей навалился со спины, лоя за локти, а Антон Багрицкий без затей двинул напавшего локтем. Тот бросился на арестанта, но Антон поймал летящий на него ружейный приклад на цепочку ручных кандалов, отводя в сторону, слегка повернул, выбивая оружие из руки...

Цепи помешали довершить прием, сковывая движение. Солдат не выпустил ружья, хотя и потерял равновесие, падая вместе с ним.

– Караул! – заорал он. – Убивают!

На помощь подоспели остальные. Прежде, чем все слыльные кинулись в драку, солдаты ударами прикладов восстановили порядок. Трех зачинщиков, нещадно избитых, сволокли в карцер, бросили на голый каменный пол.

Едва лязгнул засов, Алексей приподнялся на локтях. Ему, как ни странно, досталось меньше прочих – Антона, который чуть было не обезоружил стражника, избивали ногами и прибили бы совсем, если бы не комендант. Владимир был просто слишком хрупким и слабым. Он дышал, но при каждом вздохе в груди его что-то хрипело, клокотало и булькало. Даже ничего не сведущий в медицине, Алексей понял, что у его друга сломано несколько ребер и просто чудо, что ни одно из них не проткнуло легкое. У него самого от удара по голове двоилось в глазах, во рту был противный медный привкус, а из разбитой губы сочилась кровь, да и левый глаз уже заплыл, но Алексей принялся приводить в чувство обоих друзей.

Антон очнулся первым, застонал, попытавшись перевернуться набок, яростно закашлялся, плюясь кровью. Выплюнул выбитый зуб.

– Знатны они кулаками махать, – прохрипел еле слышно. – Черт... Ты-то сам как?

– Жив пока, – Алексей поморщился.

– Что Владимир?

– Еще дышит...

– Черт! Убили парня... Звери!

Все же юноша очнулся и тут же застонал от боли. Но окровавленные губы его сложились в улыбку:

– Сберег...

– Что?

– Вот, – он с трудом разжал судорожно сведенные пальцы. Слегка помятый, образок все еще был в его кулаке. – Матушка бы огорчилась...

– Она бы огорчилась больше, если бы ты умер, – Алексей попытался нахмуриться, но даже это движение сейчас отзывалось болью. – И охота тебе...

– Всё, – прошептал Владимир, глядя в темный низкий потолок. – Они отняли у нас все. Имя. Состояние. Звание. Свободу. Честь... Могут отнять жизнь... Но веру... Это я заберу с собой! – и тихо, одними губами, начал читать «Отче наш».

В этом карцере они провели больше суток, пока их не выволокли спозаранку на острожный двор. Было еще темно. Город дремал, лишь издалека в морозном воздухе плыл колокольный звон – заканчивалась заутреня. Остальные кандалники молча расступились, пропуская троих друзей в середину. Алексей не понял, кто подпер его сзади плечом, помогая стоять на ногах. Он глотнул морозного, невероятно чистого и вкусного по сравнению с духотой и вонью карце-

ра, воздуха и чуть не задохнулся. Рядом точно также с двух сторон удерживали Владимира.

– Чего, морды каторжные? – обратился к ним закутанный в овчинный тулуп унтер-офицер. – Отдохнули? Пора и поработать. Задарма вас кормить никто не станет. Так что топай!

Ворота распахнулись в предутреннюю тьму. Вперед затопали стража с факелами, освещая дорогу. За ночь опять выпал снег, так что кандальники были первыми, кто проторил по нему дорожку.

Двигались на окраину города, чтобы не мешать горожанам и не смущать их покоя. Но на пути неожиданно оказался одинокий всадник.

– Слово и дело! – прозвучало поверх голов. – Куда направляется эта партия?

– В Невейск.

– Отлично! – ведьмак улыбнулся. – Мне как раз туда и надо!

Он посторонился, пропуская колонну. Проходя мимо, Алексей невольно зацепился за него взглядом. Старый знакомый! Тот самый, что был с ними при переправе через Волгу, да потом отстал. Ведьмак внезапно почувствовал его взгляд, склонил голову набок птичьим легким жестом:

– Что?

– Мы с вами уже, кажется, встречались...

– Не имел, знаете, чести. Хотя... Может быть. Дорога долгая, в пути всякое могло быть.

Больше перекинуться словом не удалось. Колонна шагала мимо, а ведьмак ждал, опираясь на луку седла, пока она пройдет. Только после этого пристроился в хвосте, наравне с остальными конвойными.

Сысой Псоич заранее получил весточку из Рудного приказа о новой партии и ждал работную силу со дня на день. Торопясь, он сам выехал их встречать, и был неприятно поражен, когда навстречу ему устремился одинокий всадник. Ведьмака колдун почуял в нем сразу и скрипнул зубами: «Вот принесла нелегкая! Охрану усилили, сослали за какие грехи или по мою душу?» Все было плохо. Но он заставил себя оставаться спокойным.

– Слово и дело! – прозвучали слова, которых Сысой Псоич уже перестал бояться. Слишком далеки от него были те, кто мог угрожать колдуну расправой. Слишком велик был его покровитель, чтобы не спасти в случае чего подчиненного. Разве только... говорят же, кто высоко взлетит, тому больнее падать. Неужели и до него добралось всеильное Третье Отделение? Коли так, надо спасать свою шкуру.

– Третье Отделение, Особый отдел.

– Добро пожаловать! С чем, если так можно сказать, пожаловали?

– Проверка. Донос на вас поступил!

– Ах, ты! – притворно испугался Сысой Псоич. – И кто ж крамолу сквал?

– Известно, кто, – коротко ответил ведьмак. – Мне поручено произвести досмотр, не совершается ли тут незаконного колдовства.

– А чего незаконного? Мы на государственной службе находимся, бумаги у нас честь по чести выправлены...

– Взглянем, – кивнул ведьмак. – На все взглянем! И на бумаги, и, – он поднял голову, озирая горы, – и на рудники ваши.

– Права не имеете! – прищурился Сысой Псоич. – Я перед законом чист! И перед людским, и перед... вашим.

– А вот это мне и предстоит выяснить, – улыбнулся ведьмак одними губами. – А то дошли, знаете ли, слухи о том, что у вас тут на руднике чудные дела творятся...

Колдун одновременно оторопел и рассердился. Слишком долго он в этих местах был и богом, и царем, чтобы его можно было запугать какими-то намеками.

– Да что вы себе позволяете? Вы не знаете, на кого мы работаем!

– Знаем, – ведьмак сидел на коне, развалившись, чуть ли не вынув ноги из стремян, но было заметно, что выбить его из седла не так-то просто. – На его высочество великого князя Петра Ольденбургского. С его-то слов меня сюда и отправили.

Правда это или нет – с ведьмаков станется и соврать! – Сысой Псоич решил на всякий случай поверить.

– Все равно ничего не докажете, – процедил он.

– Ну, на нет и суда нет, – пожал плечами ведьмак и тронул коня, съезжая с дороги в наметенный на обочину сугроб. – Приступайте к делам. Все устали.

Для кандалников эта неожиданная задержка – конвой приказал остановиться, пока ведьмак будет беседовать с местным – была отнюдь не желанной передышкой, хотя шагать по глубокому снегу устали все. Больной Владимир Шаховской еле стоял на ногах и, привалившись к плечу Антона Багрицкого, дышал торопливо, но мелко. Сломанные ребра до сих пор болели, и друзья посматривали на юношу с тревогой. Если их отправят на рудники, как о том велись разговоры среди каторжан, он долго не протянет.

Было холодно. Ветер налетал, вздымая снежную поземку. Люди сбились вместе, оберегая тепло. Те, кто стоял с наветренной стороны, поворачивались к ветру спиной, сутулясь и пряча руки. Железо кандалов холодило кожу. Мерзли ноги.

– Чего? Пришли, что ли? – слышались голоса. – Или еще нас куда?

– Братцы, надоело-то все как! Идешь-идешь...

– А тебе так уж охота под землю? Света белого не взвидишь...

Антон, самый высокий из троих, поверх голов остальных кандалников озирался по сторонам.

– Дошли, – вздохнул он. – Видать, здесь нам и придется жить. Ну, хорошо, не самый край света...

Алексей ничего не ответил, только в свой черед окинул взглядом окружающий мир.

Городок Невейск строился на берегу реки, сейчас скованной льдом. Отсюда до рудника было не так уж далеко – меньше полуверсты – и заводик тоже был виден. Горные склоны закрывали половину горизонта, над ними тяжело нависало серо-сизое небо. Сквозь облака внезапно проглянул луч бледного солнца, скользнул по лицам кандальников. И, словно отзываясь ему, от города поплыл тонкий звон колокола – заканчивалась обедня. Конвойные и некоторые из каторжан стали креститься.

– Никак, к празднику звонят? – промолвил кто-то. – А чего сегодня за день?

– Да разве ж узнаешь?

Трое друзей – вернее, только двое, Владимир все опускал взгляд к земле – внимательно смотрели по сторонам, словно впитывая на память холмы, горы, заснеженную реку, избышки, пока еще не утонувшие в сугробах до самых крыш, серое небо, словно чувствовали, что снова увидеть все это им доведется очень и очень нескоро.

Низкорослые лохматые лошадки, выгибая толстые гривастые шеи, несли кибитку по первопутку бойкой широкой рысью. Стелилась под копыта дорога – под тонким слоем недавно выпавшего снега еще виднелась смерзшаяся горами земля. Кибитку то и дело потряхивало так, что сидевшая спи-

ной к передку Малаша вскрикивала и хваталась обеими руками то за край кибитки, то за сундучок, который держала на коленях.

Настя, укрытая медвежьей полстью, откинулась на спинку, пригрелась, сунув руки в муфту и, склонив голову набок, под монотонную песню ямщика следила за дорогой остановившимся взором. Летела навстречу чужая, незнакомая земля. Серое небо, запорошенные снегом холмы, серо-бурый лес с сизо-зелеными пятнышками елей, встающие впереди, словно граница между миром живых и миром мертвых, горы. Чужая земля. Чужой мир. Враждебный край. Где-то там, за этими горами, до которых было уже рукой подать, скрылся ее Алексей.

Настя ехала за мужем. Бросив родителей, друзей, могилку новорожденного сына, оставив всю прежнюю жизнь, она летела в неизвестность...

Родителей возмутило и напугало решение дочери. Свекровь только скорбно поджала губы, но против подписанной самим императором бумаги спорить не стала. Елисей, младший брат Алексея, презрительно пожал плечами. Свекор тоже долго молчал, а потом бросил: «Надеюсь, ты не пожалеешь о своем решении!»

А мать закатила настоящую истерику, да такую, что хотели звать доктора, чтобы он пустил кровь и прописал успокоительные капли. Отрыдав и отплакав, мать процедила: «Ты сошла с ума! Не думала я, что моя дочь способна на та-

кую глупость! Не позорься!» – чем только укрепила Настю в решении как можно скорее отправиться в дорогу. Молодая женщина продала большую часть своих драгоценностей, выправила подорожную грамоту, навела необходимые справки в императорской канцелярии. Везде ей все удавалось быстро и легко – чувствовалась незримая, но властная поддержка великого князя Петра. Тот, кстати, слово свое держал, писем не писал и на глаза не показывался. Лишь раз, когда ей случилось приехать в канцелярию, Настя видела, как от ворот отъехала карета с его гербом, но его самого она не увидела даже мельком. «Обязательно расскажу Алеше о том, какой он замечательный человек!» – думала Настя.

Ее собственный отец первое время не обращал внимания на чудачества дочери, и лишь когда увидел уложенные для дальней дороги вещи, понял, что все всерьез. Рассвирипев, князь ворвался в комнату Насти, когда та с Малашей упаковывала последние узлы.

«Это как прикажете понимать?» – с порога крикнул он тогда.

«Так и понимаете! Я еду к Алексею, – Настя указала на каминную полку, где лежали бумаги, – документы готовы, завтра будет готова почтовая карета.»

«Я... Я запрещаю тебе ехать! – закричал отец. – Слышишь? Запрещаю!»

«Мне разрешил сам император!» – парировала отцу дочь.

«Это неправда! Он не мог...»

Князь схватил бумаги, быстро перебрал, отыскав письмо из канцелярии. Первым движением захотел порвать, но тут уж не стерпела сама Настя. Она кинулась к отцу, отнимая бумагу:

«Вы с ума сошли?»

«Нет, это ты сошла с ума! Твой муж... надо признать, бывший муж... он государственный преступник! Если ты поедешь к нему, ты тоже станешь преступницей! А моя дочь не может стать ею!»

«Я поступаю так, как велит мне долг!»

Отец внезапно успокоился, даже отступил на шаг.

«Хорошо, – помолчав, сказал он, – я даю тебе мое отцовское разрешение съездить к нему... Но с условием, что ты вернешься через год! Иначе... иначе я вычеркну тебя из завещания!»

У Насти были две сестры, старшая и младшая – одна замужем за бывшим приятелем Алексея Варского. Но даже эта мысль не могла сбить Настю с цели.

«Да, папенька!» – сказала она тогда.

«Ты вернешься?» – уточнил отец.

«Да, папенька!» – промолвила послушная дочь, уже зная, что не сдержит своего слова. Даже если бы ей велели поклясться на Библии, она бы и тогда не отступила от задуманного. Последние дни в отчем доме, куда она перебралась вскоре после похорон сына, были для нее таким тягостным кошмаром, что молодая женщина была рада-радешенька пу-

ститься в путь. Здесь, в столице, у нее не осталось ничего, за что стоило бы держаться. И даже воспоминание о великом князе Петре Ольденбургском меркло по сравнению с горячим желанием увидеть мужа. Почти десять месяцев они были в разлуке.

В дороге пришлось дать только один небольшой крюк – напоследок заехать в Раменск, где у Настиных родителей было имение. Не пройтись последний раз по дорожкам любимого парка, не посидеть в беседке, где когда-то она целовалась с Алексеем, не постоять на берегу Оки было выше ее сил.

Прощание с родными местами вышло скомканным. Весь август знаменитые Раменские боры горели, так что по обеим сторонам дороги Настю встречали свежие следы пожарищ. Наткнулась она и на несколько деревенок – вернее, на то, что от них оставил огонь. Из десятка крестьянских избенок уцелела хорошо, если одна. Не выдержав, Настя в одной из них отдала погорельцам почти половину имевшихся у нее денег. Бабы с малыми детишками, оставшимися без крова, слезно благодарили, а Настя просила молиться за ее мужа.

Тут, наконец, ее настигли осенние дожди. Небо заволокло тучами от края до края. Ока вздулась от ливней, посерела. Ветер срывал с деревьев рано пожелтевшую листву и бросал ее в воду. Настя стояла у окна их высокого дома, глядя на разыгравшуюся непогоду, и думала о том, каково сейчас мужу. Где он? Бредет ли под ливнем по бездорожью? Или то-

же переживает непогоду под крышей? А может, у них там уже началась зима? За Каменным Поясом она, говорили, рано приходит – на Покров уже сугробы везде лежат. А сейчас только Воздвижение...

Не утерпев, пустилась в путь. И вот теперь, через две недели после Покрова, уже проезжала предгорьями. За спиной были две трети пути. Осталась последняя треть, самая страшная и тяжелая.

Путь Насти лежал в город Иштым. В Царицыне, где она сделала остановку, ей сообщили, что всех государственных преступников, к которым принадлежал и ее муж, отправляли туда.

Здесь, у градоначальника, Настя получила первые точные сведения о муже – оказывается, Алексей Варской и его товарищи тут даже обедали два раза, пока их партия дожидалась отправки в Иштымскую волость. И князя градоначальник хорошо запомнил. Только в его умных стариковских глазах стояла печаль, когда он беседовал с молодой женщиной.

«Вы такая молодая, красивая, – промолвил он и вздохнул. – Небось, как сыр в масле, дома-то катались... И чего вас понесло в эти края? Уж не обессудьте, но эта земля суровая, не для таких, как вы, барышень!»

Настя тогда вспыхнула, и лишь осознание того, что этот человек был добр к ее мужу, удержало ее от гневных речей. Но ее взгляды были достаточно откровенны, и градоначальник сам себя оборвал: «А, впрочем, может, так оно и к луч-

шему! Молодая, красивая... может, это как раз и есть то, чего им не хватало... Люди же молодые и видно, что хорошие. А счастья всякий достоин – даже самый негодящий человек, даже тварь последняя – всем счастья надо, хоть раз в жизни... Так что вы уж не серчайте, сударыня! И в добрый путь!»

В добрый путь... Царицынские заводы, что окружали город плотным кольцом, они оставили позавчера. Еще несколько дней или недель – и...

Возок трянуло. Настя встрепенулась, резко выпрямляясь, освобождаясь от дум. До нее дошло, что кони с рыси перешли на тяжелый скок, а ямщик что-то кричит, обернувшись назад.

– Что?

– Буря идет, барыня! – крикнул мужик. – Вона туча какая! Снегу теперь навалит – только держись!

– Где туча? – Настя подалась вперед.

– А вон! – ямщик указал кнутовищем.

На сером небе впереди действительно темнело какое-то пятнышко. Оно казалось безобидным.

– Что делать? Останавливаться?

– Почто? Скакать вперед. Авось, успеем проскочить...

Ямщик свистнул, гикнул, взмахнув кнутом. Резкий щелчок заставил Настю невольно втянуть голову в плечи, а кони рванули с места во весь опор, словно не впереди их ждал буря, а позади гнались голодные волки.

Кибитку трясло и шатало – мужик гнал, не щадя ни себя, ни коней, ни седоков. Малаша вскрикивала и голосила при каждом толчке – то есть, не замолкала ни на минуту. Хватаюсь за борта, она уже два раза выпускала ларчик из рук, и в конце концов Настя втиснула ее рядом с собой. Так и трясти стало меньше, и ларец обе женщины держали вместе. Зато в лица обеим полетел колючий ветер, перемешанный со снегом. Настя жмурилась, отворачивалась, закрывалась рукой – безрезультатно.

Быстро стемнело – спускающееся к закату солнце попало в тучу. Еще немного – и падет настоящая ночь, беззвездная и мрачная. Для Насти, впервые попавшей в дороге в такую непогоду, все смешалось. И лишь мысль о том, что она едет к Алексею и мужу, может быть, сейчас намного тяжелее, придавала ей сил.

– Коноватово! – донесся крик ямщика.

– Что? – Настя разлепила веки.

– Коноватово! Там заночуем!

Щуря глаза от слепящего ветра, Настя попыталась выглянуть из кибитки. Ничего же не видно! И как это мужик ухитрился что-то разглядеть? Хотя, вот дорога, вот вестовой столб, вон виднеется что-то... Дома? Неужели, правда?

Деревня была большая – больше дюжины крыш успела насчитать Настя прежде, чем кибитка лихо затормозила возле крайней избы. Принялся яростно колотить кнутовищем в ворота, заорал что-то, перекрывая вой ветра и хриплый лай

деревенских псов. Его быстро услышали. Ворота распахнули, позволяя усталой тройке въехать во двор. А еще через несколько минут обе путешественницы оказались в просторной полутемной жарко натопленной и нагретой теплом человеческих тел горнице.

У столов на лавках собралось человек пятнадцать – ямщики, трое таких же, как Настя, путешественников, семейство самого зрителя. Хозяйка хлопотала у печи, спеша приготовить всем ужин. На Настю и Малашу она накинулась так, словно они были ее родней, потерянной и внезапно обретенной.

– Ой, барыня-сударушка, – запричитала женщина. – Ой, да каким же ветром вас сюда-то занесло, в эту погибель-то? Устали, небось, притомились? Иззябли?

– Нет, ничего, – пробормотала Настя, несколько смущенная этими хлопотами. Шуба на ней была новая – градоначальник Царицына сам подарил, поскольку для Закаменья путешественница была одета слишком легко.

– Да вы сюда, к огоньку поближе, – ее усадили на лавку, помогли снять шубу. – Согреетесь малость, а тут и трапезничать сядем. Вы уж не взыщите, коли что не так...

– Ничего, не беспокойтесь, – сидеть в тепле было приятно. Снаружи уже стемнело, ни зги не видать, но, если прижаться лицом к маленькому окошку, можно разглядеть летящие по воздуху снежинки.

– И откуда вы такая-то взялись? – продолжала расспросы

хозяйка между делом.

– Из Владимира-Северного. Из столицы.

– Ого! Далековато вас занесло! А почто сюда отправились-то?

– За мужем.

– Надо же! И кем он тут служить станет? Небось, градоначальником каким? – хозяйку явно впечатлил наряд Насти.

– Нет, – вздохнула та. – Он на каторге... На десять лет...

– Ой, – хозяйка переменилась в лице и медленно перекрестилась.

Настя отвернулась. Разговаривать об этом ей не хотелось. Это была ее боль, и делить ее она не хотела ни с кем.

В горнице меж тем шла своя жизнь. Собравшись у стола, ямщики, проезжающие и несколько ребятишек, затаив дыхание и разинув рты – а чего еще делать-то? – слушали сказку, которую, не переставая ладить порванную упряжь, негромким голосом сказывал седой, как лунь, старик:

– ... И, вишь ты, ведьма-то и молви: «Пущай кошка царевной станет, а царевна – кошкой до скончания веков!» О как! И только она так молвила, да зельем плеснула, вмиг царевна в кошачью шубку обрядилась, а кошка шкуру скинула, на лапки вот эдак встала и пошла в царевнины горницы... А царевну, котора настоящая, ведьма за хивок взяла, да в погреб забросила – пущай мышкует.

– Вот так прямо и взяла? – ахнула девчушка-подросток, не старше десяти лет, сидевшая подле деда за прялкой. – А

как она могла, дедушко?

– Вот так и могла, Машутка. Ведьмы – у них же ничего святого нету!

– А они меня в кошку обратить могут?

– Знамо дело. Оно кого хошь во что хошь обратят! Только ты не пужайся, – дед погладил внучку по волосам, – они токмо над теми власть имеют, кто сам в их руки предается.

– А добрые ведьмы бывают? – подал голос мальчишка лет пяти, сидевший на полу меж дедовых валенок. – Вот тетка Лукерья...

– Да какая ж тетка Лукерья ведьма-то? Знахарка она, травница. Тебя прошлой зимой от трясавицы выходила... Ведьмы не такие! Ты далее слухать будешь, егоза?

– Давай, дед, дальше, – пробасил один из мужиков. – Мы про ведьм и так все знаем! Эта-то что наделала?

– А ничего! – дед опять принялся ладить упряжь. – Заклдовала царевну – и стала жить-поживать. Кошка серая у нее в подвале мышей ловит, а во дворце новая царевна на перинах нежится, сласти кушает да с золотым мячиком играет. А как солнышко выглянет – с мамками и няньками по саду гуляет, на птичек любит. Да вот долго ли, коротко ли, а посватался к царевне королевич заморский. Увидал он как-то ее парсуну – и запала она ему в самые печенки – страсть, как жениться захотел. Послал царю с царицей богатые дары и посланника – так, мол, и так, влюбился, спасу нет и хочу жениться! Царь-то с царицей по рукам и ударили. Сговори-

ли, значит, дочку-то, за заморского королевича.

– Небось, приданое богатое взял! – завистливо сказал кто-то.

– За царевой дочкой иль за драной кошкой? – откликнулся другой голос.

Послышались смешки. Настя заслушалась.

– Вот долго ли, коротко ли, – продолжал рассказчик, – приезжает королевич на смотрины. Ну, знамо дело, весь народ высыпал смотреть на жениха, царевну в шелка да бархат убрали, золотом-серебром изукрасили, под белы рученьки на красное крыльцо вывели. Жених на вороном коне подъезжает, спешился, значит, к ней идет – красавец писаный! И невеста ему под стать, плывет, аки лебедь белая. Под ноги ей дорожку постелили, чтоб не замарала сапожков... Да только – вот незадача! – на двор мышка выскочила. Откуль взялась-то? Неведомо! А только выбежала аккурат на ту дорожку, по которой царевна ступала. Как увидала царевна-то мышку – враз кошачья натура у ней верх взяла. Замяукала она, мамок-нянек оттолкнула, да на карачках за мышом кинулась.

Среди слушателей послышались смешки.

– Ага, – дед выглядел довольным. – Нагнала, ухватила, да враз и слопала. Ест – а сама урчит, ну точно кошка. Подхватили тут мамки-няньки царевну, а она не дается. Рванулась – и шелка-бархат с нее упали. Глядят люди – а внизу-то хвост кошачий. Тут поп случился, которому надо было молодых

благословлять. Он святой водой да с молитвой на царевну побрызгал – та кошкой и оборотилась, да в подвал шмыгнула. Кинулись за нею люди, а в подвале царевна сидит, которая настоящая, да горько-горько плачет. Вишь, когда кошка-то свой настоящий облик приняла, и с этой чары упали, опять человеком стала. Ну, тут ее помыли, нарядили, жениху представили, тот сразу под венец с нею и пошел. А ведьму сыскали, да лютой казни предали. Вот ведь оно как бывает! – дед отложил упряжь. – Как тебя жизнь не крути, не ломай, а все одно – рано или поздно, натура твоя верх возьмет. И под любым обличьем, под любыми невзгодами каждый сам собой остается и никакие чары того изменить не в силах!

Пораженная неожиданным выводом, Настя только вздохнула, вспомнив Алексея. Уже в имении, под Раменском, ее пытались отговорить от глупой поездки – мол, на каторге Алексей изменился. Небось, опустился, с мужиками горькую пьет. Нет! Не может того быть! Ее Алеша остался прежним. Пусть не внешне, но в душе он все тот же. И она едет к тому, прежнему. И ни за что его не оставит!

Наутро пуститься в путь оказалось невозможно. За ночь намело столько снега, что с трудом оказалось возможным выйти из съезжей избы, а ворота засыпало так, что заносы расчищали почти до полудня. Торопившиеся ямщики злились, ругались со зрителем больше от безысходности. Настина кибитка не была приспособлена для таких глубоких

снегов, и нужно было ждать, пока кто-нибудь укатает для нее дорогу. Или же пересаживаться на сани.

Но молодая женщина пребывала в состоянии какого-то странного покоя. Словно снегопад засыпал и в ее душе что-то живое, важное. Она была рядом с мужем. Алексей был всего в нескольких десятках верст. И уже не так важно, когда она его увидит – сегодня вечером или через несколько дней.

Отправив извозчика выяснять, когда можно будет выехать, Настя плотнее запахнула шубу и вышла постоять у ворот. Съезжая изба стояла на отшибе, и занесенные снегом, поросшие редким лесом холмы простирались до горизонта. Облака почти разошлись, в просветах мелькало солнце, и тогда снег начинал искриться и переливаться сотнями огней. Было так красиво, что у молодой женщины захватило дух. Если отрешиться от ругани извозчиков, можно было представить, что она в родительском имении под Раменском, пошла прогуляться перед обедом.

Она так глубоко задумалась, что, услышав приближающийся хруст снега под ногами, обернулась навстречу:

– Сейчас и...

Слова замерли на губах.

Стоявшая в двух шагах женщина смотрела на нее в упор. Несмотря на мороз, одета она была довольно легко – сарафан, передник, сверху запахнутый шушун. Из-под платка выбивались светлые волосы. Лицо... ну, лицо как лицо, без шрамов, бородавок и волосков над верхней губой, но смот-

реть в эти темные, как вода в омуте ночью, глаза Настя почему-то не могла. Только раз взглянула – и потупилась.

– Ты, что ль, приезжая? – без обиняков заговорила с нею незнакомка.

– Я, – кивнула Настя, – а вы кто?

– Лукерьей люди кличут, – откликнулась женщина. – Издалека будешь, барыня... Красивая, – она склонила голову набок, рассматривая собеседницу, – да несчастливая... Доля твоя тяжкая, не всякой бабе по плечу! И те, кто сильнее тебя, ломались, не выдерживали, а ты... По себе ли сук рубишь?

Настя пожала плечами. Из сказанного она понимала хорошо, если одно слово из трех.

– Спросить меня ни о чем не хочешь? – помолчав, предложила назвавшаяся Лукерьей женщина. – Тебе, я вижу, надо про свое будущее немного узнать...

– Вы – цыганка? – осенило Настю. Она сама не знала, откуда у нее такой странный, необъяснимый страх перед этими кочевниками. Впервые увидела их уже подростком, когда попала с родителями в столицу. Тогда на въезде во Владимир-Северный пришлось ненадолго остановиться, и коляску окружили эти пестро одетые женщины. Они на ломаном русском языке гортанными голосами пророчили великую беду и еще большее счастье, предсказывали судьбу, предлагали погадать, просили позолотить руку... Напугавшись, Настя тогда спряталась за мать, упала на сидение, закрывая лицо руками и впоследствии на всю жизнь вынесла страх перед цы-

ганами. Даже Алексей снисходительно улыбался ее ребяческим страхам. И вот одна из *этих* здесь... А бежать некуда. И прятаться не за кого...

– Не ведаю, про кого ты говоришь, красавица, а только вижу на челе твоём всю твою судьбу, – сказала назвавшаяся Лукерьей женщина. – Прошла ты дорогой трудной, а впереди путь ещё труднее. Одолела испытания тяжкие – а впереди ждут ещё горшие... Мало сил у тебя, а дела впереди много. Да знаю я средство, чтобы сил прибавилось. Горькое оно, средство это, да только помогает безотказно!

– Ты о чем? – Насте стало страшно.

– Идем со мной, – Лукерья попяtilась, протянула руку – смуглую, жилистую, с крепкими пальцами. – Идем. Тут недалече, в овраг только спуститься. Там и будет моя избашка... Идем!

Она сделала попытку схватить Настю за руку.

– Нет!

– Да ты чего? Испугалась? Думала, съесть тебя хочу, а сама на косточках твоих поваляться? – Лукерья захихикала. – Вот ведь глупая барыня! Да как ты с таким умишком в путь-то отправилась? Как досюдова целехонька доехала? Ведь смерть на челе твоём! – она взмахнула рукой, словно пытаясь сорвать что-то с головы молодой женщины. – Смерть у тебя за плечами и смерть перед очами! Пока смерть эту видишь – и жизни тебе не видать. Пойдем со мной! Научу, как смертную пелену снять, да на мир новыми глазами

смотреть! Идем! – она все-таки сомкнула крепкие твердые пальцы на Настином запястье. – А денег мне не надо, себе оставь! Не за-ради денег я. Мне иное надобно...

– Нет у меня ничего, – заспорила Настя. – Я все отдала. Даже...

Имя сына так и осталось на языке.

– Не все, красавица! Не все, писаная! – через плечо посмотрела Лукерья, и Настя внезапно поняла, что она имела в виду.

– Нет! – выкрикнула она, вырывая руку. – Не хочу!

– Одумайся! Оно тебе все одно без надобности, а мне сгодится!

– Да что тебе надо-то?

– Сердце!

Многого ожидала Настя, но только не этого. Сорвавшись с места, со всех ног кинулась бежать. Не помня себя, влетела в избу, забилась поближе к печке. Ее била дрожь. Нет, уезжать отсюда надо и как можно скорее!

Возившаяся у печи женщина подняла голову от котелков:

– Иль продрогли, барыня? Погодка-то стоит дивная, морозец самый что ни на есть легкий... Самая пора, пока времечко есть, погулять, на свет божий полюбоваться...

– Спасибо, нагулялась, – Настя приникла к окошечку, высматривая Лукерью. Интересно, а где Малаша? А вдруг и ее тоже...

– Напужались чего? – угадала стряпуха. – Да народ-то у

нас смиренный. Не стали бы озоровать.

– Да не то, чтобы очень... Встретила кое-кого...

Лукерья как раз шла по двору, загребая снег стоптанными лаптями. И не холодно ей! Все в валенках ходят, а она...

– Это ее-то? – стряпуха через Настино плечо увидела женщину. – Испугались?

– Да. Она... какие-то странные вещи говорила. Хотела предсказать судьбу и просила взамен у меня сердце, – Настя прижала ладонь к груди, словно сердце могло выскочить наружу и убежать.

– Лукерья-то? Это она может, – равнодушно бросила стряпуха, вытирая руки передником. – И правильно вы сделали, что от нее отбились, барыня!

– Она – ведьма? – изумилась та.

– Была ведьма, да вся вышла, – огорошила ответом женщина, возвращаясь к печи. – Сильная ведьма была. Вся округа ее боялась. А только чего-то она со своими не поделила... Ну, мы-то люди простые, в ихние колдовские дела не вмешиваемся – понятного мало, а беды за простое любопытство не оберешься... Что Лукерьей ее зовут, так это мы сами ее прозвали, потому как поселилась она в пустой избе, где былка Лукерья жила. Пришла зимой, вся избитая, замерзшая... Пока отошла, пока говорить начала... Про себя мало, что сказывала, но земля слухом полнится. Наказали ее за что-то свои же колдуны и ведьмы. Силы колдовской лишили, она через это умом малость тронулась. Скотину иногда

пользует, тут спору нет, тут у нее каждое лыко в строку. На огороде жука-червяка потравить – тоже лучше Лукерьи никто не управится. Вёдро или ненастье предсказывает точно. Дитё заболевает – от простуды отвар сготовит... А на большее сил ее нет.

– А убить она может?

– А как же! Желание колдовство творить ведь у нее осталось, а сил не хватает. Вот она и лютует. Прибить может со зла, от безысходности, от досады, что колдовство опять не вышло.

Стряпуха рассказывала об этом так обыденно, словно речь шла о том, как и из чего готовить горячее для ямщиков – мясное или уху, смотря, пост на дворе или можно разговеться. Настя слушала и не верила своим ушам.

– И вы так спокойно об этом говорите! У вас по округе бродит ведьма, а вы...

– Так ведь безобидная она, барыня! – отмахнулась ее собеседница. – Мы уж привыкли к ней. Да и не одна она тут такая. В соседнем селе, Конобееве, тоже ведьма есть. Та по сильнее нашей будет. С той даже батюшка не связывается – боится. Да и поднадзорна она.

Настя только качала головой. Ведьмы, колдуны, может, еще что... Откуда что берется? В какой жуткий мир она попала? Как выжить и добраться до Алексея?

Им все-таки немного повезло – партию политических

ссылных поселили отдельно от остальных, в длинном доме, состоявшем из коридорчика, где топилась небольшая печка, и нескольких тесных узких комнаток, где едва помещались в два этажа настилы для сна. Каждая каморка запиралась на засов снаружи, в каждой имелось небольшое, с ладонь, окошечко со вставленной в него слюдяной пластинкой. Оно не открывалось – разве что высадить пластинку, но тогда внутрь будет залетать морозный воздух, а дом и так маленькая печурка не была в силах протопить полностью. Впрочем, по сравнению с пересыльными избами на этапе и острогом в Иштыме, это было подарком судьбы. Уже то, что спать можно было не на полу, радовало арестантов. Правда, вместо того, чтобы сводить людей в баню, ограничились тем, что выдали другие рубахи взамен прежних, сопревших от грязи.

Алексей занял одну каморку с Владимиром, Антон оказался в соседней. Дощатые перегородки между ними были такие тонкие, что можно было переговариваться, но с опаской – в коридорчике постоянно находилась охрана.

Не успели ссылные перевести дух, как их опять вывели и отправили на рудник.

Всю вторую половину лета, осень и часть зимы на новом руднике шли работы. Окрест вырубали все деревья, посекли кустарник, так что вокруг из-под сугробов торчали только пни. Дерево пошло на крепеж штолен, на строительство навесов и на уголь, который жгли тут же для огня маленьких домен. Заваленные снегом, как сугробы-великаны, высились

отвалы отработанной земли и пустой породы. Между ними и у входов-нор, напоминавших большие колодцы, свежевывавший снег был протоптан до земли.

Народа было не так уж и много – несколько человек выгружали из поднимающихся снизу корзин руду, оттаскивали ее на тачках к домнам. Слышалось гудение огня, голоса работавших там людей. Прохаживались стражники – у каждого, кроме кнута, за поясом торчал тесак, а кое у кого и пистолет.

Сысой Псоич, прищурившись, рассматривал кандальников. Из письма он знал, кого ему пришлют и должен был радоваться – государственные преступники как бы вне закона. Ни царь-император, ни Господь Бог не взыщут с него, если из партии до десятилетнего срока каторги не дотянет и половина. И даже если перемрут все, урона особого не будет. А значит, вот они, почти дюжина тех, кого он в скором времени скормит Рудничному богу.

Но радости особой не было – все из-за проклятого ведьмака. В разговоре между ними уже промелькнуло имя великого князя, на которого работал Сысой Псоич, а это значит, что Третье Отделение добралось и до него. Значит, в скором времени придется либо прикрывать рудник и бросать все дела, либо срочно многое менять. Колдун не сомневался, что, спасая свою шкуру, великий князь запросто продаст его самого. И приезд проверяющего был началом конца. Злость грызла колдуна, злость и досада. И он собирался сорвать ее

на этих людях.

– Ну, что, – начал он, помолчав, – дошли, стало быть? Тяжело пришлось? – он заметил бледного юношу, чью молодость не могла скрыть ни щетина, ни патлы отросших грязных волос. Небось, в прошлом все девицы его были, да и сейчас отмыть – любая, задрав подол, побежит!

Люди помалкивали. Из задних рядов кто-то что-то пробурчал невнятно, но те, на кого нацеливался колдун, сохраняли молчание.

– Чего молчите? Языки вам, что ли, урезали? Отвечать, когда спрашивают! Тяжело пришлось?

– Ничего, – негромко промолвил один из кандальников, высокий, плечистый.

– Ишь ты, «ничего»! А будет еще хуже! – наконец-то выпустил злость Сысой Псоич. – Вы чего думали, когда супротив государя выходили? Что он вас за такие дела по голове погладит? Бунтовщики! Небось, непороты еще? Ничего, мы это исправим!

– Права не имеете, – негромко, но четко промолвил кто-то. – Мы – офицеры...

– Да? – колдун даже обрадовался этим словам. – Офицеры? Были, да все вышли! Государевы преступники вы, вот вы кто! Кто сказал? Этого – взять!

Охранники метнулись к строю. Это были уже не те казаки, что сопровождали ссыльных до места, а свои стражники, прикормленные Сысоем. Говоруна выволокли, бросили

на торчавшие рядом козлы, проворно оголили зад и спину.

– Для начала – десяток плетей, – бросил Сысой Псоич. – Чтоб руку хозяйскую чуял... А кто дернется – следом пойдет! И не десяток ему всыпят, а все двадцать!

Кто-то из ссыльных впрямь рванулся к товарищу – его удержали за руки свои же.

– Вот-вот, – кивнул Сысой Псоич. – Смирнее будете – шкуру свою сохраните! Давай!

Свистнул кнут. Колдун считал, одним глазом посматривая на строй. Видел, как горели у новичков глаза. Замечал, кто внешне спокоен, а кто так и рвется вперед. Этих, последних, он не слишком боялся. Такие горячи, да быстро остывают и ломаются легко. А вот те, кто смотрит прямо и молчит – с теми труднее всего придется.

Алексей заставил себя смотреть, как бьют его товарища. Не все участники Тайного общества были близко знакомы друг с другом, некоторые впервые увиделись только в тюрьме или на этапе, но общее дело соединило их вместе, и сейчас все они ощущали дружескую связь, как будто были знакомы много лет. Рядом с ним опустил взгляд Владимир Шаховской. У юноши были малиновые от возмущения уши, на глазах стояли слезы. Несмотря ни на что, он все еще во что-то верил...

Наконец, экзекуция завершилась. Избитого офицера отвязали от козел, втолкнули в строй.

– Поняли? – обратился Сысой Псоич к остальным. – По-

няли, кто вы есть? Я теперь для вас – и господь бог, и царь-император. Столица далеко, а до бога... Так я за него. И от меня, а не от кого еще будет зависеть, жить вам или умереть. И когда умереть, если я захочу вас убить... Сейчас на работу. Разделитесь по парам. Внизу вам дадут инструменты, объяснят, что делать. Норма – пять тачек руды на каждого. В день. Кто не выполнит – остается там, внизу, пока все не сделает. Поблажек не будет – не для того вас сюда загнали... Все. Пошли!

Антон Багрицкий шагнул первым. За ним – Алексей, увлекая за собой Владимира, который все еще не мог успокоиться. За юношу болела душа. Несмотря на то, что был лишь одиннадцатью годами старше юного корнета, Алексей чувствовал отцовскую ответственность за него. Единственный сын у матери... Надо будет сделать все, чтобы он протянул эти страшные годы. Тридцать лет каторги и поселений. Эх, самому бы продержаться.

Вход был простым – широкий колодец, кое-как укрепленный бревнами, в которые были вбиты железные скобы. Двигаться в кандалах было тяжело. Люди медлили, приноравливаясь, как ухватиться, как и куда поставить ногу.

– Глубоко, – подумал вслух кто-то.

– А ты как думал? – усмехнулся один из стражников. – Загредишь вниз – костей не соберешь... Но, ежели кому жизнь не мила, может и сигануть. Никого не держим!

– Не вздумай, – Алексей тут же вцепился в локоть Влади-

мира. – Не вздумай прыгать, слышишь? У тебя мать...

Юноша только судорожно сглотнул. В глазах его плавал ужас и страх перед неизвестностью.

Спускались медленно – пока одни лезли, другие стояли и ждали, пока люди с непривычки на ощупь ногами отыскивают скобы. Наверх-то всяко лезть будет быстрее – хоть видишь, за что хватаешься.

И тут рядом зазвучал негромкий глуховатый голос. Аристарх Данилевич, о котором Алексей до этапа много слышал, как о знаменитом поэте, но с которым впервые близко познакомился только на пути сюда, запрокинув голову, озирался по сторонам.

Закат последний догорал,
Окрест громада гор вставала,
И, словно зубы, гребни скал
На горле у земли сжимала.

И чтоб запомнить не могли
Оставшиеся там, где лучше,
В утробу гор, во глубь земли,
Как в Ад, спускали наши души.

Но в этой мрачной темноте,
С ней обрученные на крови,
Мы помнили о красоте,

О мире, счастье и любви...

Пораженные стихами, стражники от неожиданности позволили поэту дочитать до конца, и лишь потом накинулись, выволакивая из строя и собираясь всыпать ему плетей.

– Отставить, – прозвучал холодный голос.

Сысой Псоич заскрипел зубами. Он не заметил, откуда взялся ведьмак, но тот спокойно обошел замершую охрану, подходя к колдуну.

– Что я вижу? – протянул он. – Экзекуция? Уже? По какому поводу?

– Не ваше дело, господин... э-э... Чермный, – процедил Сысой Псоич. – Это мои люди...

– Да-да, люди ваши. Ваша личная собственность, хотя что-то мне подсказывает, что на них не существует акта купли-продажи, – со скучающим видом закивал ведьмак. – Впрочем, хозяин – барин. Люди – ваши, вы вольны делать с ними все, что угодно. Рудник – тоже ваш. Руда – ваша... Но тогда и спрос, коли что случится, будет с вас, а не с кого-то другого? Так?

Колдун сообразил, куда клонит его противник и постарался успокоиться. Это перед каторжанами можно давать волю чувствам, а здесь и сейчас надо держать себя в руках.

– Прекратить! – приказал он. – И рук без приказа не распускать. Только ежели в драку ползет, да и то... Не попортите зря! Понятно?

Стражники отступили, кивая и вразнобой бормоча: «Да ясно-понятно, хозяин... Чего уж тут непонятного?» Уже опрокинутый ими на снег, Данилевич поднялся на ноги. Ведьмак быстро шагнул к нему грудь в грудь, поймал взгляд.

– Личность мне ваша больно знакома, любезнейший, – промолвил он. – Не ваша «Ода Счастью» имела в прошлом году весьма скандальный успех?

– Моя, – не стал отпираться тот.

– Стало быть, и та пьеса, как бишь ее, «Снежная крепость», тоже ваша? Довелось в театре смотреть... Как же это вы в бунтовщики-то попали?

– А вот так, – Данилевич невесело усмехнулся, – как все, так и я.

Ведьмак улыбнулся. В его глазах зажглись странные огоньки. Он казался дружелюбным, но Алексей неожиданно вспомнил, как тот же самый ведьмак еще за Волгой на переправе презрительно цедил: «Бывших ведьмаков не бывает!.. Как и бывших мятежников!» – и его пробрала дрожь, когда тот, отстранив следующего кандальника, полез вниз, в штольню.

Глава 5.

Поэт Данилевич оказался прав – внутри было темно, сухо, грязно, а багровый свет чадающих светильников придавал ей сходство с Адом, из которого ушли его исконные обитатели. Угрюмые горняки исподлобья смотрели на новичков. Дед-кузнец шагнул вперед, покачивая на руке молот.

– А ну-ка, молодцы, кого тут с невестушкой повенчать? Эге, – заметив кандалы, прищурился он, – да вы никак того, венчаны?

– Со свободой мы венчаны, дед, – негромко ответил Данилевич. – Да вот только убили ее. А взамен не надо нам другой ни жены, ни судьбы...

– Судьбу – да, не выбирают ее. Что на роду написано, то хоть как борись – а от своей доли не уйдешь! – вздохнул дед. – Откуль будете?

– Из Владимира-Северного.

– Из самого? Что ж так далеко-то загнали вас?

– Где – далеко? Это близко! Могли и вовсе на тот свет проводить.

– Да отсюда до того света рукой подать, – ухмыльнулся невесело один из горняков.

– Ты, ваше бывшее благородие, брось лясы-то точить, – ведьмак протиснулся вперед. – Дело прежде всего. И у каж-

дого оно свое... А ну-ка, старый, – обратился он к деду-кузнецу, – давно стуканцы вас навещали?

– Да как давно, – полез тот в затылок и вдруг осекся, – а вы, ваше благородие, откуда про стуканцов-то знаете?

– Откуда? Да тут их следов видимо-невидимо! А это как раз и есть моя работа – видеть то, чего другие не могут!

Слегка ссутулившись, подобравшись и вмиг став похожим на зверя, ведьмак сделал скользящий шаг вперед. Вперил во тьму холодный взгляд, зло ощерился. Стоявший сбоку горняк разинул рот – глаза ведьмака сверкнули, как две свечи. В следующий миг он резко выбросил вперед руку, приседая и припечатывая что-то к полу растопыренной пятерней.

Отчаянный визг вмиг заполонил подземелье. Заметалось, вонзаясь в уши, многоголосое эхо. Выругавшись, ведьмак отдернул руку, затряс ладонью, на которой проступало алое пятно.

– Ох, ты ж б...

Горняки метнулись в стороны, когда какая-то доселе невидимая зверюшка, на ходу скидывая личину невидимки, виляя всем телом, метнулась прочь. С разбегу она налетела на стену и растворилась в ней.

– С нами крестная сила, – забормотали вокруг. – Это чего такое было?

– Огневушка, – ведьмак все тряс ладонью. – Аль не слышали?

– Как не слышать! Слышали, – загомонили горняки. – Да

только Огневушка – она ведь иная! Она того... девчоночка махонькая, с локоток... А эта...

– А это вот и есть ее настоящий облик, – ответил ведьмак. – На поверхности она в людской личине гуляет, а тут кого ей таиться? А ну-ка...

Отстранив народ, он прошелся вдоль стены, сгибаясь в три погибели и разве что не носом по стенам вода. Раз или два остановился, стал гладить руками камень. В одном месте стена вдруг отозвалась – блеснула яркая искорка.

– Есть.

– Чего это вы тут, ваше благородие? – поинтересовался дед-кузнец. – Чего-нито отыскиали?

– Да вроде того... – ведьмак медленно выпрямился, озираясь по сторонам. – Место тут... особенное...

Он замолчал, отходя в сторону, и давая понять, что покамест не хочет никому мешать.

Горняки разбирали инструмент. Кайла, зубила, лопаты хватали привычно. Хватило не всем.

– Руками руду таскать будете, пока другие рубят, – пояснил надзиратель. – Давай работай! Время дорого!

Алексей, руки которого оттягивало непривычное кайло, сказал Владимиру:

– Вместе работать будем. Меня держись.

Юноша кивнул. В его глазах прятался страх. Но спорить не стал, пошел следом.

Работали небольшими артелями – в одиночку выполнить

норму с непривычки всегда трудно. Алексей подошел к стене, всмотрелся. Казалось бы, камень как камень, ничем не отличался от того, из которого сложены казематы Навьей башни в столице. Разве что там он гладкий, обработанный, а тут... Он коснулся ладонью острых граней. Надо же – руда. Пустая порода или в ней скрыт нужный людям металл? Как узнать здесь и сейчас? И сколько надо перелопатить пустой породы прежде, чем наберется нужное количество руды для того, хотя бы, чтобы отлить бронзовый колокол? А сколько надо на одну пушку? И как на глаз отличить, где ценная руда, а где пустая порода?

Тряхнув головой – не ко времени пустые мысли полезли в голову! – Алексей взмахнул кайлом. На этапе он приноровился думать на ходу, привыкнет и здесь думать за делом. Только приступили к работе, только кайло пару раз врезалось в твердую породу, отсекая куски, как один старый горняк, седой, как лунь, коснулся руки Алексея:

– Ты вот чего, благородие, в сторонке постой покамест, приглядишься, что к чему.

– А откуда вы...кто вам сказал? – удивился Алексей. После десяти месяцев тюрьмы и этапа его, небось, и родная мать бы не признала, и бывшие однополчане прошли бы, как мимо пустого места, а тут...

– Да никто не говорил, а токмо человека по делам видать. Ни кайла толком держать не умеешь, ни сноровки нет. Кто ж так-то бьет?

– Ваша правда. Я никогда раньше... разве что на учениях бывало, но там разве что брустверы копать приходилось и... – он оборвал сам себя, не желая вдаваться в подробности. Да и сколько он тех брустверов перекопал? Эти люди за день столько руды роют, сколько он за всю жизнь наработал!

– Так ты, благородие, из офицеров?

– Да. Я – князь Варской... бывший князь...

– Ух, ты! – на лицах артельных загорелось любопытство, как у малых детей, которым пообещали сказку. – Всамделишный?

– Да.

– А как же сюда-то попал? Да в железах?

– За правду, – не счел нужным вдаваться в подробности Алексей.

– За правду-то оно и впрямь, либо на смерть, либо на ка-торгу, – вздохнул кто-то – в темноте не разобрать лица. – Нет для простого человека правды на земле. Нет ее и тут, под землей. Да и на небеса для таких, как мы, путь заказан...

Из коридора послышался шум и свисток охранника.

– Плетей захотели? – заорал тот. – Бегом работать, сукины дети! Чего встал, рот разинув? – напустился он на Алексея. – Я тя живо уму-разуму-то научу! – и добавил несколько слов, которые доселе Алексей не слышал даже от пьяных унтеров в отношении своих солдат.

– Вот ты и иди сюда, поучи, – предложил седой мужик. – Кишка тонка?

– Бунтовать? – взвился охранник, но к толпе не полез, отступил. – Гляди у меня! Доложу Сысою Псоичу – он вас тут и оставит Рудничному на поживу!

– Подавится твой Рудничный, – буркнул седой горняк, но за кайло взялся. – Айда робить, братцы... А ты, благородие, пока присмотрись, поучись... Да в сторонке стой, не то зашибем ненароком... Да и ты тоже, – это относилось к Владимиру Шаховскому, – пока наперед не лезь. Успеете ишшо.

– А как же норма? Пять тачек...

В ответ раздался хриплый смех.

– Да какие вы пока работники! Слезы, – отхохотавшись, ответили мужики. – Пока втянетесь, мы вам подмогнём.

Остальные артельные закивали головами, один за другим принимаясь на работу.

Алексей держался в стороне, присматриваясь к их уверенным, ловким движениям. Помаленьку начал пробовать сам. Артельные косились на него, иногда то один, то другой бросали советы – как бить, куда, сколько, как встать, чтоб куском руды не ударило по ноге. Владимиру эти советы пока не помогали – было видно, что для юноши работа в руднике настолько не подходит, что он наверняка долго не протянет. И дело было не только в силе рук и спины, не только в сломанных ребрах, а в чем-то еще. Наверное, в той самой силе духа, о которой Алексей до сегодняшнего момента если и думал, то как-то отвлеченно. Но вот же люди. Кто они? На вид – страшнее рож в кошмарном сне не увидишь, а отно-

сятся лучше, чем те же казаки и солдаты. Простые люди... Кто они? Судя по клеймам, которые нет-нет, да и мелькнут на чем-нибудь лбу, все каторжные, осужденные за тяжкие вины. Выходит, одного поля ягоды?

– Ты, благородие, особенно жилы-то не рви, – между делом советовал седой. – Особенно спервоначалу. Думаешь, пуды свои наработаешь – и отдыхай? Нет, брат. Работай дальше. Нашему колдуну сколько руды ни дай – все мало!

– Колдуну? – Алексей видел в деле ведьмака и подумал про него.

– А ты не слыхал? Хозяин наш колдун ведь!

– Быть того не может.

– А побудь тут с мое, и не в такое поверишь. Ты вот Огневушку-то видел? Ну, яшкой ее еще зовут? – Алексей кивнул. – Вот то-то. А такого добра тут видимо-невидимо.

– Что, и черти есть? – попытался вклиниться в разговор Владимир.

– Чего не видали, того не видали, – осадил его седой. – Тут и без них света белого не видишь.

– А кого видали?

Он опять ухитрился подкрасться незамеченным! Хотя, если учесть, что от грохота молотов и лязга тачек грохот стоял такой, что очуметь можно, и лишь в их углу было малость потише, тут не только осторожные шаги – тут грохота конницы не услышишь. И все равно Алексей невольно вздрогнул, роняя кайло, когда давешний ведьмак появился, как из-под

земли. Выглядел он, прямо сказать, не слишком приятно – глаза навывкате и горят, как две свечки, в темноте, а кожа почти белая, словно у утопленника. Гость насмешливо сощурился, гася страшный огонь в глазах и становясь почти нормальным человеком.

– Так кого же вы видали? – повторил он вкрадчиво.

– А не все ли равно? Кого тут видали, того уж тут нету, – нелюбезно отозвались горняки.

– Жаль... Очень жаль, – ведьмак ужом скользнул прямо под кайло одного из них, успел отколупнуть крохотный осколок породы, – что вы мне помочь в работе не хотите...

– А какая у вас работа? – поинтересовался Алексей. – Доносить?

Ведьмак медленно обернулся в его сторону. Встретил прямой взгляд. Несколько секунд в забое висела мертвая тишина – казалось, все вокруг даже дышать перестали – а потом ведьмак выдохнул и улыбнулся:

– И это в том числе. Но спешу вас успокоить – здешнему хозяину я докладывать не побегу.

– А куда побежите? В Особую Комиссию? Так вроде хуже, чем здесь, быть уже не может...

– Может. Уверяю вас, князь. Еще как может. Только на своей шкуре это проверять никому не советую... А вот помочь выжить – смог бы.

– Себе помогите!

Рука невольно крепче сжала кайло, перехватывая его по-

удобнее, как всякий шанцевый инструмент. Помнится, ему как-то один фельдфебель показал прием, как без оружия, подхватив простую палку, обезоружить противника, кидающегося на тебя с саблей. У ведьмака не было и того, значит...

– Да вы, никак, князюшка, драться собрались? – у ведьмака в глазах загорелись зловещие огоньки. – А честь дозволяет?

– Честь, – промолвил Алексей и сам подивился тому, каким чужим внезапно показался ему собственный голос, – моя осталась там, на плацу...

Когда над головой сломали подпиленную саблю. Под отросшими волосами до сих пор чувствовался шрам от царапины.

Резко отвернувшись – если бы не кандалы, получилось бы по-военному четко – Алексей поудобнее перехватил кайло и врубился в камень, больше не обращая внимания на то, что творится вокруг.

Покачав головой, ведьмак отступил. Работа понемногу возобновилась. Но Алексей чувствовал направленные на него со всех сторон взгляды. Да, интересно начиналась новая жизнь!

До Иштыма Настя добралась на третий день после памятного снегопада, и тут случилась первая задержка. Градоначальник Иштымский, которому она со съезжего двора отправила письмо, сказался занят и велел ждать. Настя писала ему

почти каждый день, посылая Малашу с записками, но всякий раз ответ был один: «Ждите!»

Наконец, не выдержав, Настя отправилась сама.

Съезжий двор стоял на окраине, недалеко от городских ворот, а двухэтажный терем градоначальника, обнесенный высоким забором, высился в центре, подле Архангельского собора и городской ратуши. Снег все эти дни сыпал почти непрерывно, так что сугробы уже намело немалые. Настя, пришедшая пешком, порядком притомилась и даже порадовалась, когда ей в передней предложили немного посидеть, подождать. И лишь через четверть часа, когда молодая женщина перевела дух, ей сообщили, что градоначальник с утра уехал по делам и будет нескоро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.